

A surreal landscape featuring a large, detailed moon in the upper right sky. The sky is filled with dramatic, dark clouds illuminated by a sunset or sunrise, with a bright sun low on the horizon. In the foreground, there is a body of water reflecting the sky and moon. To the left, several tall, dark, jagged ice formations or rock spires rise from the water. The overall mood is mysterious and otherworldly.

МЫСЛИТЕЛЬ МИРОВ

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

**Мыслитель Миров
и другие рассказы**

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Мыслитель Миров и другие рассказы / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905833-1

Этот сборник можно было бы озаглавить «Ранний Джек Вэнс», так как в нем содержатся рассказы, относящиеся к первым двенадцати годам писательской карьеры Вэнса — к тому периоду, когда он публиковался главным образом в дешевых журналах. В этих рассказах Вэнс уже демонстрирует яркое воображение и мастерское владение английским языком — черты, которые стали характерными для всех его дальнейших сочинений.

ISBN 978-5-44-905833-1

© Вэнс Д.
© Издательские решения

Содержание

МЫСЛИТЕЛЬ МИРОВ	6
I	6
II	10
III	15
IV	19
V	25
КАК ПОСТРОИТЬ МЕЧТУ	27
ДЕСЯТЬ КНИГ	40
БОГ И ХРАМОВЫЙ ВОР	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мыслитель Миров и другие рассказы

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019

© Александр Фет, перевод, 2019

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-5833-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МЫСЛИТЕЛЬ МИРОВ

I

Из открытого окна доносились звуки города – шуршащий свист воздушного движения, ритмичный лязг пешеходной движущейся ленты на эстакаде под окном, хриплый гул нижних городских уровней. Кардейл сидел у окна, изучая объявление, содержащее фотографию и несколько строк печатного текста:

«В РОЗЫСКЕ!

Изабель Мэй. Возраст: 21 год. Рост: 165 сантиметров. Телосложение: пропорциональное. Волосы: черные (могут быть выкрашены в другой цвет). Глаза: голубые. Особые приметы: отсутствуют»

Кардейл внимательно рассмотрел фотографию: гневное выражение глаз не вязалось с миловидностью лица. На табличке, висящей поперек груди, значился номер: 94E-627. Кардейл вернулся к чтению текста:

«Приговорена к трем годам содержания в женской исправительной колонии в Неваде. На протяжении первых шести месяцев допустила ряд нарушений, в связи с чем срок ее наказания продлен на 22 месяца. При задержании рекомендуется соблюдать осторожность».

На взгляд Кардейла, внешность девушки свидетельствовала о дерзком, опрометчивом и бунтарском характере – но не о вульгарности и не о глупости. Напротив, она производила впечатление умной и чувствительной особы. «На преступницу она не похожа», – подумал Кардейл.

Он нажал кнопку: телеэкран резко засветился. «Соедините меня с Лунной Обсерваторией», – сказал Кардейл.

На экране появилось изображение лишенного украшений кабинета с лунным пейзажем за окном. Человек в светло-розовом комбинезоне поднял голову: «Привет, Кардейл».

«Что-нибудь слышно по поводу Мэй?»

«Она успела наследить. Сплошная головная боль – не буду докучать тебе подробностями. Но у меня к тебе большая просьба: впредь, когда потребуются выследить беглеца, прикажи диспетчерам, чтобы грузовые суда держались в другом секторе. Она шесть раз сбивала нас с толку».

«Но вы у нее на хвосте?»

«Конечно».

«Не сводите с нее глаз. Я пришлю кого-нибудь, кто займется этим делом», – Кардейл выключил экран и поразмышлял немного, после чего снова вызвал секретаршу: «Соедините меня с Дитерингом из Центрального разведывательного управления».

На экране закружился многоцветный спиральный вихрь, после чего появилась розовеющая нездоровым румянцем физиономия Дитеринга: «Кардейл, если вам нужен персонал...»

«Мне нужна бригада смешанного состава, из нескольких мужчин и женщин, на быстром корабле, способная задержать опасную беглянку. Ее зовут Изабель Мэй. Капризная, необузданная, неисправимая девчонка. Но я не хочу, чтобы ей нанесли вред».

«Вы меня прервали. Я пытался объяснить, Кардейл – если вам нужен персонал, вам не повезло. Сегодня у нас буквально никого не осталось, кроме меня».

«Значит, займитесь этим сами».

«Вы хотите, чтобы я гонялся за истеричкой, которая вцепится в остатки моих волос и надает мне пощечин? Нет уж, увольте... Минутку! В коридоре, за дверью, ждет дисциплинарного выговора один из наших агентов. Я могу натравить на него трибунал – или отправить его к вам».

«В чем его обвиняют?»

«В неподчинении. В несоблюдении этикета. В невыполнении приказов. Он – одиночка. Делает, что хочет, и плевать хотел на правила».

«Как насчет результатов?»

«Он вполне результативен – в каком-то смысле. Если вас устраивают результаты такого рода».

«Вполне может быть, что именно такой человек сумеет задержать Изабель Мэй. Как его зовут?»

«Ланарк. Он в чине капитана, но отказывается кем-либо командовать».

«Вольнодумец, значит... Что ж, пришлите его ко мне».

Ланарк прибыл незамедлительно. Секретарша провела его в кабинет Кардейла.

«Будьте добры, присаживайтесь. Меня зовут Кардейл. А вы, если не ошибаюсь – Ланарк?»

«Так точно».

Кардейл разглядывал посетителя с нескрываемым любопытством: на первый взгляд внешность Ланарка не соответствовала его репутации. Он не был ни высоким, ни грузным – напротив, скорее держался незаметно. В его лице, покрытом глубоким космическим загаром, тоже не было ничего необычного – оно отличалось разве что дерзко выступающим носом и холодным, пристальным взглядом серых глаз. Голос у Ланарка был тихий и приятный: «Майор Дитеринг откомандировал меня в ваше распоряжение».

«Он с похвалой отозвался о ваших способностях, – покривил душой Кардейл. – У меня есть для вас щекотливое поручение. Взгляните на это объявление». Он передал Ланарку описание примет Изабель Мэй с фотографией. Ланарк внимательно рассмотрел этот документ, не высказывая никаких замечаний, и вернул его.

«Полгода тому назад эту девушку посадили в колонию за нападение с применением оружия. Позавчера она сбежала в космос – что само по себе неудивительно. Но она имеет при себе важную информацию, необходимую для обеспечения экономического благополучия Земли. Это утверждение может показаться экстравагантным преувеличением, но, уверяю вас, дело обстоит именно таким образом».

Ланарк терпеливо сказал: «Господин Кардейл! Как правило, мне удается эффективно выполнять задания, когда я располагаю фактическими сведениями. Посвятите меня в подробности этого дела. Если вы считаете, что мой уровень допуска для этого недостаточен, отклоните мою кандидатуру и найдите более квалифицированного агента».

Кардейл раздраженно ответил: «Отец этой девушки – выдающийся математик, работавший на Казначейство. Под его руководством спроектирована сложная система защиты информации, контролирующая перечисление финансовых средств. В качестве меры предосторожности на случай возникновения чрезвычайной ситуации, он предусмотрел пароль, предоставляющий приоритетный доступ к этой системе – определенную последовательность слов. Преступник, узнавший этот пароль, может подойти к телефону, позвонить в Казначейство и, пользуясь исключительно речевыми командами, перечислить на свой личный счет миллиарды долларов».

«Почему бы не заменить этот пароль другим?»

«Потому что Артур Мэй придумал дьявольски хитрый трюк. Пароль спрятан в компьютере, глубоко и совершенно недоступно – так, чтобы никто не мог ввести команды, позволяю-

щие его узнать. Единственный способ изменить пароль заключается в том, чтобы сначала ввести его, а потом уже дать соответствующие указания».

«Продолжайте».

«Пароль был известен Артуру Мэю. Он согласился сообщить его канцлеру, а затем подвергнуться гипнотическому внушению, стирающему пароль из его памяти. Тем временем возник пренеприятнейший конфликт, связанный с вознаграждением Мэя – причем, на мой взгляд, претензии Мэя совершенно справедливы».

«Хорошо его понимаю, – заметил Ланарк. – Мне не раз приходилось сталкиваться с ухищрениями чиновников. Только мертвый чиновник не лжет».

«Так или иначе, последовала невероятная кутерьма – переговоры, предложения, сметы, интриги, встречные предложения, разоблачения интриг, круговая порука. Все это вызвало у Артура Мэя нервный припадок, и он забыл пароль. Но математик ожидал, что произойдет нечто в этом роде, и оставил памятную записку своей дочери, Изабель. Когда представители властей пришли к ее отцу, она отказалась их впустить и прибегла к насилию, в связи с чем ее поместили в исправительную колонию, откуда она сбежала. Независимо от того, на чьей стороне правда и справедливость, ее необходимо задержать, более или менее щадящими методами, и вернуть на Землю – пароль теперь известен только ей. Надеюсь, вы понимаете возможные последствия возникшей ситуации».

«Непростое дело, – почесал в затылке Ланарк. – Но я отправлюсь за этой девушкой – и, если повезет, привезу ее».

Через шесть часов Ланарк прибыл в Лунную Обсерваторию. Впускная диафрагма раскрылась, и его корабль проскользнул внутрь.

Как только корабль прикоснулся к площадке под куполом, Ланарк высвободил зажимы люка и спустился по трапу. К нему приблизился главный астроном. За ним следовали механики; один из них нес небольшую металлическую коробку, которую тут же стали приваривать к корпусу корабля Ланарка.

«Это датчик слежения, – пояснил астроном. – В данный момент он регистрирует координаты звездолета, на котором летит беглянка. Если стрелка индикатора на вашем пульте управления будет оставаться в нейтральной зоне, значит, вы на правильном пути».

«И куда, судя по показаниям этого датчика, направляется ее звездолет?»

Астроном пожал плечами: «Никуда, в сущности. В теллурийское пространство. Она давно миновала Фомальгаут и летит дальше».

Ланарк молчал. Изабель Мэй приближалась к опасному сектору. Примерно через сутки она оказалась бы на границе владений клантлаланов, где космический патруль их скрытной и враждебной империи уничтожал без предупреждения любые внесистемные корабли. Дальше начинался пояс так называемых «черных звезд», населенный еще менее известными существами с пиратскими наклонностями. Еще дальше находились совершенно неизведанные и, следовательно, подозрительные галактические области.

Механики закончили работу. Ланарк взобрался обратно в корабль. Впускная диафрагма раскрылась, и он вылетел в космос.

Прошла скучная неделя, звездолет покрывал расстояние. Земная империя – россыпь немногочисленных звезд – осталась за кормой. Светила системы клантлаланов становились все ярче. Когда Ланарк пролетал мимо, клантлаланские сферические корабли попытались к нему приблизиться. Ланарк включил аварийные генераторы, и его легкий боевой звездолет намного опередил их. Ланарк рассчитывал когда-нибудь незаметно ускользнуть от пограничного патруля и навестить систему двойной красной звезды клантлаланов, чтобы узнать, какую тайну они так бдительно охраняли. Но пока что он следил за тем, чтобы стрелка датчика слежения

находилась точно в центре индикатора: с каждым днем сигнал корабля беглянки становился все отчетливее.

Они пролетели через кишевший разбойниками пояс «черных звезд» и углубились в область космоса, о которой не было известно ничего, кроме не заслуживающей доверия болтовни пьяных перебежчиков-клантлаланов о планетах, усеянных величественными руинами, и об астероидах, покрытых обломками тысяч погибших космических кораблей. Ходили еще более невероятные слухи – например, о том, что в этих местах водился дракон, разрывавший звездолеты зубами. Поговаривали также о том, что на заброшенной планете за поясом «черных звезд» обитало божество, создававшее миры по своей прихоти.

Сигналы датчика слежения наконец настолько усилились, что Ланарк сбавил скорость, опасаясь того, что перегонит беглянку и потеряет радиоактивный след ее корабля. Теперь Изабель Мэй поворачивала в сторону солнечных систем, проплывавших мимо подобно светлячкам – так, словно она искала какой-то ориентир. При этом Ланарк, судя по показаниям датчика, продолжал к ней приближаться.

Прямо впереди становилась все ярче желтая звезда. Ланарк знал, что звездолет беглянки был уже недалеко. Он последовал за ней в систему желтой звезды – след ее корабля вел к единственной планете этого светила. Через некоторое время, когда звездолет Ланарка занял орбиту вокруг этой планеты, датчик перестал улавливать сигналы.

Корабль Ланарка тормозил в прозрачных верхних слоях атмосферы. Под ним была серовато-коричневая, выжженная солнцем поверхность. В телескопическом увеличении она выглядела как плоская каменистая пустыня. Пылевые облака свидетельствовали о наличии сильных ветров.

Ланарк без труда нашел корабль Изабель Мэй. В телескоп он заметил единственный ориентир посреди бескрайней равнины – кубическое белое строение. Рядом с этим зданием приземлился небольшой серебристый звездолет беглянки. Ланарк стремительно приближался к той же площадке, будучи почти уверен в том, что Изабель попытается обстрелять его из лазерного пистолета. Люк ее звездолета был открыт, но она не появилась, когда амортизирующий киль его корабля опустился рядом.

Местным воздухом можно было дышать. Пристегнув к поясу свой собственный лазерный пистолет, Ланарк вышел на каменистую поверхность. Шквал горячего пыльного воздуха едва не свалил его с ног; глаза сразу начали слезиться. Отскакивая от земли, гонимые ветром камешки больно ударяли по ногам, солнце жгло плечи и спину.

Глядя вокруг, Ланарк не замечал никаких признаков жизни – в том числе в белом здании и в звездолете Изабель Мэй. Обнаженная, пышущая жаром каменная пустыня простиралась в пыльные дали. Ланарк сосредоточил внимание на одиноком белом строении. Изабель должна была быть внутри. Здесь, в затерянном уголке Галактики, закончилась утомительная погоня.

II

Ланарк обошел здание по периметру. С подветренной стороны он нашел низкий, темный арочный вход. Изнутри веяло тяжелым запахом жизнедеятельности, напоминавшим то ли о загоне для скота, то ли о террариуме. Подходя к проему, Ланарк держал наготове лазерный пистолет.

Он позвал: «Изабель Мэй!» – и прислушался. Ветер со свистом проносился за углом здания, постукивали камешки, несомые ветром в бескрайнюю раскаленную пустыню. Других звуков не было.

У него в голове – непосредственно в мозгу – раздался звучный голос: «Той, кого ты ищешь, здесь уже нет».

Ланарк застыл.

«Ты можешь зайти, землянин. Мы не враги».

В двух шагах зиял арочный вход. Ланарк медленно зашел внутрь. Ослепленные белым солнцем глаза долго не могли привыкнуть к полутьме, поначалу казавшейся непроглядным мраком. Ланарк часто моргал.

Постепенно окружающее стало приобретать очертания. В сумраке мерцали два огромных глаза; за ними громоздилась гигантская куполообразная туша. В голове Ланарка возникла настойчивая мысль: «Ты беспричинно агрессивен. В насилии нет необходимости».

Ланарк заставил себя успокоиться, но продолжал находиться в некотором замешательстве. Телепатия на так уж часто встречалась на Земле. Слова огромного существа звучали в голове, не нарушая тишину – но Ланарк не знал, как ответить. Он попробовал просто спросить вслух: «Где Изабель Мэй?»

«В месте, тебе недоступном».

«Как она туда попала? Ее звездолет – снаружи, она приземлилась полчаса тому назад».

«Я ее перенес».

Продолжая держать наготове лазерный пистолет, Ланарк обыскал помещение. Девушки действительно нигде не было. Охваченный внезапными опасениями, он подбежал к выходу и выглянул наружу. Два космических корабля оставались там, где были прежде. Ланарк засунул пистолет в кобуру и повернулся к чудовищу, ошутимо излучавшему насмешливую благожелательность.

«Что ж – кто ты такой, и где Изабель Мэй?»

«Я – Лауме! – ответило чудовище. – Лауме, некогда третий владыка Нарфилета – Лауме, Мыслитель Миров, последний из мудрецов Пятой Вселенной. . . Что касается девушки, я поместил ее, по ее просьбе, в приятном, но недоступном мире моего изготовления».

Ланарк ничего не понимал.

«Смотри!» – сказал Лауме.

Пространство задрожало перед глазами Ланарка. В воздухе появился темный провал. Глядя в него, Ланарк увидел светящуюся сферу, словно висящую на расстоянии протянутой руки – миниатюрный мир. Сфера стала расширяться, как воздушный шар. Ее горизонты исчезли за краями отверстия в пространственной ткани. Ланарк увидел континенты и океаны, усеянные перистыми хлопьями облаков. Под лучами невидимого солнца блестели голубовато-белые полярные ледяные шапки. Казалось, что до всего этого по-прежнему можно было прикоснуться, протянув руку. Появилась равнина, окаймленная черными кремнистыми горами. Рыжевато-охряной цвет равнины, как теперь можно было заметить, объяснялся сплошным покровом леса – деревьев с кронами ржавого оттенка. Расширение пейзажа прекратилось.

Мыслитель Миров сказал: «Ты видишь перед собой материю, такую же реальную и осязаемую, как ты сам. Я действительно создал ее своим воображением. До тех пор, пока я не уничтожу ее таким же образом, она будет существовать. Подойди, протяни руку, дотронься».

Ланарк выполнил это указание. Рыжий лес, находившийся в двух шагах, крошился у него под пальцами, как высохший мох.

«Ты уничтожил селение», – прокомментировал Лауме. Он увеличил изображение снова, на этот раз с захватывающей дух быстротой – теперь Ланарк словно повис на высоте тридцати метров над поверхностью. Он увидел разрушения, только что причиненные его прикосновением. Деревья оказались гораздо крупнее, чем он предполагал – их сломанные стволы, по десять-двенадцать метров в поперечнике, разбросало, как мощным ураганом. Между стволами можно было заметить остатки разрушенных примитивных хижин, откуда доносились едва слышные с такого расстояния вопли – люди кричали от боли. Среди хижин валялись тела мужчин и женщин. Выжившие лихорадочно разбирали завалы.

Ланарк не верил своим глазам: «Они живые! Там люди!»

«Безжизненный мир неинтересен – каменная глыба, больше ничего. Я нередко использую людей, подобных тебе. Они инициативны, выражают эмоции в широком диапазоне и приспособляются к различным условиям, созданным моим воображением».

Ланарк потрясенно взглянул на кончики своих пальцев и снова поднял глаза к разрушенной деревне: «Они на самом деле живые?»

«Несомненно. И, если бы ты побеседовал с одним из них, ты узнал бы, что у них есть своя история, свой фольклор, своя культура, хорошо приспособленная к их среде обитания».

«Но как один мозг может представить себе целый мир во всех подробностях? Листья каждого дерева, черты лица каждого человека...»

«Это было бы тяжким трудом, – согласился Лауме. – Мой мозг создает лишь обобщенные концепции, вводит значения исходных факторов в гипостатические уравнения. Детали формируются автоматически в процессе развития».

«И ты позволил мне уничтожить сотни этих... людей?»

Ланарк ощутил странную щекотку в мозгу – словно в него проникали ищущие чего-то щупальца: Лауме забавлялся.

«У тебя вызывает отвращение эта идея? Пройдет несколько мгновений – и я уничтожу весь этот мир... Тем не менее, если это доставит тебе удовольствие, я могу восстановить его в прежнем виде. Видишь?»

В провале пространства снова появились нетронутый рыжеватый лес и неповрежденные хижины мирного селения на небольшой опушке.

Ланарк ощутил неприятное напряжение в голове – телепатическая связь с Мыслителем Миров становилась слишком интенсивной. Оглянувшись, он заметил, что огромные глаза стали ярче, что чудовищная туша подергивалась и сотрясалась. Воображаемая планета стала меняться. Охваченный непреодолимым любопытством, Ланарк наклонился к провалу в пространстве. Благородные рыжие деревья превратились в гнилые серые стебли и раскачивались, как пьяные. Некоторые из них оседали и расползались подобно столбам из полужидкой замазки.

По земле катались шары черной слизи, со злобной неутомимостью преследовавшие селян – те с ужасом разбегались, не разбирая пути.

С неба посыпался град пламенеющих катышков. Градины убивали людей, но у черных слизистых шаров, судя по всему, только вызвали мучительную боль. Шары носились вслепую из стороны в сторону, пытаясь избежать огненных укусов, и яростно зарывались в землю, начинавшую рябиться волнами. Мир исчез так же внезапно, как он был создан. Ланарк оторвал глаза от провала, где раньше была планета, и обернулся. Лауме лежал спокойно, как прежде.

«Не бойся! – звучали в голове Ланарка тихие мысли. – Судороги кончились. Со мной это изредка случается, а почему – не знаю. Скорее всего, мой мозг, перенапряженный формированием образов, нуждается в расслабляющих спазмах. Это был не слишком сильный приступ. Как правило, мир, на котором я сосредоточил внимание, полностью разрушается».

Поток беззвучных слов прервался. Прошло несколько секунд, и мысли чудовища снова стали возникать сами собой в голове Ланарка: «Хотел бы показать тебе еще одну планету – один из моих самых интересных экспериментов. Этот мир развивался в моем мозгу дольше миллиона земных лет».

Воздух перед глазами Ланарка задрожал. В провале воображаемого пространства снова появилась планета. Так же, как раньше, она постепенно увеличивалась, и в конце концов подробности ландшафта можно было различить так, как если бы Ланарк стоял на поверхности этого мира. Не больше полутора километров в диаметре, планета была опоясана по экватору полосой песчаной пустыни. На одном полюсе блестело озеро, на другом зеленели буйные джунгли.

Ланарк увидел, как из джунглей выползло существо, чем-то напоминавшее человека – точнее, карикатуру на человека. У него было продолговатое лицо без подбородка, пугливо посматривающее по сторонам быстро бегающими глазами. Ноги у него были неестественно длинными, а плечи и руки – недоразвитыми. Существо подобралось к краю пустыни, на мгновение задержалось, поворачивая голову направо и налево, после чего с безумной прытью бросилось поперек пустыни к далекому озеру.

Когда существо преодолело уже половину пути, послышался ужасный рев. Над близким горизонтом появилось скачущее чудовище, похожее на дракона. Оно погналось за бегущим со всех ног человекоподобным существом, с пугающей быстротой сокращая разделявшее их расстояние – но длинноногая жертва обогнала дракона метров на пятьдесят и достигла берега озера. Как только дракон приблизился к границе песчаной полосы, он остановился, испустив зловеющий скорбный вопль, от которого у Ланарка мурашки побежали по спине. Человекоподобное существо больше не спешило: оно подошло к краю воды, легло плашмя и вволю напилось.

«Эволюционный эксперимент, – мысленно прокомментировал Лауме. – Миллион лет тому назад эти существа были такими же людьми, как ты. Этот мир отличается необычной конструкцией. На одном полюсе – еда, на другом – питье. Чтобы выжить, эти «люди» – назовем их людьми – вынуждены пересекать пустыню почти каждый день. Дракон не может покинуть пустыню – его удерживают разряды излучения. Таким образом, человек, успевающий перебежать через пустыню, остается в безопасности.

Ты видел, как замечательно они приспособились к этим условиям. Особенно быстроногими стали женщины, так как им, ко всему прочему, приходится заботиться о детенышах. Рано или поздно, однако, возраст берет свое – они уже не могут бегать так быстро, и в конце концов дракон их ловит и пожирает.

В этом мире возникла любопытная религия, предписывающая ряд нерушимых табу. Мне поклоняются, как верховному богу жизни, а Шиллаль – так они называют дракона – стал божеством смерти. Конечно же, дракон занимает все их мысли, они не забывают о нем ни на минуту. Пища, питье и смерть сливаются в их представлении в почти нераздельную концепцию.

Они не могут изготовить эффективное оружие, чтобы сопротивляться Шиллалю – в их мире нет металлических руд. Когда-то, сто тысяч лет тому назад, один из их вождей изготовил гигантскую катапульту, чтобы швырнуть в Шиллалья заостренный ствол дерева и проткнуть дракона. К сожалению, волокна плетеной веревки, натягивавшей катапульту, порвались, и отдача убила вождя. Жрецы истолковали это обстоятельство как плохое предзнаменование, и... Смотри-ка! Шиллаль схватил усталую старуху, отяжелевшую от воды – она не успела вернуться в джунгли!»

Ланарку пришлось наблюдать за тем, как дракон жадно поглощал старуху.

«Таким образом, – продолжал Лауме, – возникло табу, и больше никто никогда не пытался изготовить оружие».

«За что ты обрек этот народ на миллион лет несчастного существования?» – спросил Ланарк.

Лауме мысленно пожал плечами – словами это никак нельзя было передать: «Я справедлив и, по сути дела, великодушен. Эти люди поклоняются мне, я – их божество. У них есть холмик – они считают его священным – куда они приносят больных и раненых. Там, когда на меня находит такая блажь, я восстанавливаю здоровье страдальцев. В той мере, в какой их существование вообще имеет какое-то значение, они могут наслаждаться жизнью не меньше, чем ты».

«Но, будучи творцом этих миров, ты несешь ответственность за благополучие и счастье их обитателей. Если бы ты на самом деле был великодушен, почему бы ты допускал болезни и ужасы?»

Лауме снова телепатически пожал плечами: «Что тут можно сказать? Я использую в качестве модели Вселенную – такую, какова она есть. Вполне может быть, что где-то какой-то другой Лауме вообразил миры, в которых живем мы с тобой. Когда человек умирает от болезни, он тем самым позволяет жить бактериям. Мой дракон выживает, пожирая людей. Человек выживает, пожирая погибшие растения и убитых животных».

Ланарк помолчал, старательно сдерживая свои мысли, чтобы они не стали слишком явными: «Насколько я понимаю, ты не отправил Изабель Мэй ни на одну из планет, которые ты мне показал?»

«Совершенно верно».

«Я хотел бы попросить тебя предоставить мне возможность связаться с ней».

«Но я перенес ее в другой мир именно для того, чтобы оградить от преследований».

«Думаю, что ей будет полезно меня выслушать».

«Хорошо! – согласился Лауме. – По всей справедливости, тебе следует предоставить такую же возможность, как ей. Можешь перейти в этот мир. Но помни – ты делаешь это на свой страх и риск, так же, как она. Если ты погибнешь на Маркаввеле, ты умрешь так же безвозвратно, как если бы ты умер на Земле. Я не могу взять на себя роль судьбы, направляющей твою жизнь или ее жизнь».

В мыслях Лауме возникла задержка – вихрь идей, сменявшихся слишком быстро для того, чтобы Ланарк мог их уловить. Наконец глаза Лауме снова сосредоточились – Ланарк почувствовал нечто вроде мимолетного обморока: его мозг вместил новые знания.

Пока Лауме молча наблюдал за ним, Ланарку пришло в голову, что тело Лауме – огромная груда черной плоти – было плохо приспособлено к жизни на той планете, где находился Мыслитель Миров.

«Ты прав, – мысленно подтвердил его наблюдение Лауме. – Я – уроженец неизвестного тебе Запределья, изгнанный с темной планеты Нарфилет, в бездонных черных водах которой я плавал. Это было очень давно, но даже теперь я не могу вернуться». Лауме снова погрузился в созерцательное молчание.

Ланарк беспокойно переминался с ноги на ногу. Снаружи выл ветер, посыпавший стены камешками. Лауме словно заснул – возможно, он грезил о темных океанах древнего Нарфилета. Ланарк разбудил его нетерпеливой мыслью: «Как я попаду на Маркаввель? И как я оттуда вернусь?»

Лауме соблаговолил вернуться к действительности. Глаза его сосредоточились в какой-то точке рядом с Ланарком. Провал, ведущий в воображаемое пространство, возник в третий раз. Неподалеку, в провале, появился небольшой космический корабль. Ланарк прищурился –

корабль вызвал у него пристальный интерес. «Это мой звездолет, модели 45-G!» – воскликнул он.

«Нет, не твой. Но такой же. Твой корабль все еще снаружи». Звездолет приближался и, наконец, повис рядом с разрывом в пространстве.

«Залезай в корабль!» – сказал Лауме. – В данный момент Изабель Мэй находится в городе, занимающем вершину треугольного континента».

«Но как я смогу вернуться?»

«Когда ты покинешь Маркаввель, направь корабль к самой яркой из видимых звезд. Это позволит тебе проникнуть через воображаемые измерения в нашу Вселенную».

Протянув руку в воображаемое пространство, Ланарк подтащил воображаемый корабль вплотную к разрыву, открыл люк и осторожно вступил внутрь; при этом до него донеслись прощальные мысли Лауме: «Если тебе будет угрожать опасность, я не смогу изменить естественный ход событий. С другой стороны, я не буду намеренно создавать для тебя опасности. Если тебе суждено погибнуть, ты умрешь исключительно в силу сложившихся обстоятельств».

III

Ланарк захлопнул люк, будучи почти уверен в том, что корабль вот-вот растворится у него под ногами. Но он оказался достаточно крепким и надежным. Ланарк оглянулся. Разрыв, ведущий в его Вселенную, исчез – вместо него появилась слепящая голубая звезда. Корабль дрейфовал в безвоздушном пространстве. Под ним тускло светился диск Маркаввелля – подобно любым другим планетам, к которым Ланарк приближался из космоса. Он потянул на себя рычаг дросселя и повернул корабль носом вниз, к Маркаввеллю: абстрактные размышления могли подождать. Звездолет стал спускаться на планету.

Судя по всему, Маркаввелль был приятным миром. Его согревало жаркое белое солнце, синие океаны покрывали большую часть поверхности. Среди разбросанных в морях фрагментов суши Ланарк нашел сравнительно небольшой треугольный континент с центральным плоскогорьем и несколькими горными хребтами, окаймленными зелеными лесистыми склонами. Ландшафт напоминал земной, и у Ланарка не возникло ощущение отчужденности, свойственное большинству планет глубокого космоса.

Глядя в телескоп, Ланарк обнаружил город, раскинувшийся белым пятном в устье широкой реки. Корабль, со свистом рассекавший верхние слои атмосферы, замедлился и помчался параллельно поверхности моря в пятидесяти километрах от побережья. Ланарк полетел к городу, едва не задевая килем искрящиеся синие волны.

В нескольких километрах слева над океаном возвышались базальтовые утесы острова. Неподалеку от острова то поднимался на гребни волн, то пропадал в провалах между ними какой-то черный объект – по ближайшем рассмотрении, грубо сколоченный плот. На плоту девушка с золотисто-каштановыми волосами отчаянно отбивалась от каких-то пытавшихся взобраться к ней морских существ.

Ланарк опустил корабль на воду рядом с плотом. Образовавшаяся при этом кильватерная струя опрокинула плот и смыла с него девушку.

Ланарк открыл люк и выскользнул в прозрачную зеленоватую воду. Он заметил в смутных глубинах едва различимые силуэты, напоминавшие человеческие. Преодолевая хлещущие волны, Ланарк подплыл к плоту, нырнул под него, схватил уже переставшую двигаться девушку и вытащил ее на воздух.

Пару минут он держался за край плота, чтобы перевести дыхание, и в то же время удерживал голову девушки над водой. Он скорее почувствовал, нежели увидел, что обитатели океана снова поднимались к поверхности. Одно из существ пряталось в тени плота; липкая рука с длинными пальцами схватила Ланарка за лодыжку. Брыкаясь, Ланарк почувствовал, как его ступня ударила по чему-то твердому – скорее всего, по голове. Из толщи воды поднимались другие темные фигуры. Ланарк оценил расстояние между плотом и космическим кораблем – метров двенадцать. Слишком далеко. Он взобрался на плот и затащил на него девушку. Рядом с плотом все еще плавало весло; Ланарк дотянулся до него и приготовился размозжить череп первому существу, показавшемуся над водой. Но хитрые твари настойчиво кружили метрах в пяти под плотом, не подплывая ближе.

Лопасть весла треснула и отвалилась – Ланарк не мог проталкивать неуклюжий плот к кораблю, пользуясь этим обломком. Тем временем ветер относил корабль все дальше от плота. Минут пятнадцать Ланарк прилагал все возможные усилия, загребая воду остатком лопасти, но промежуток между ним и кораблем увеличивался. Он с отвращением отбросил весло и повернулся к девушке – та сидела, скрестив ноги, и задумчиво смотрела на него. Почему-то Ланарк вспомнил о Лауме, лежавшем в полумраке белого строения посреди обдуваемой жарким ветром пустыни. «Все это, – подумал он, – и ясноглазая девушка, и озаренное

солнцем море, и вершины гор за прибрежной равниной, все это – плод воображения древнего чудовища».

Он снова взглянул на девушку. По мнению Ланарка, ее растрепанные кудрявые локоны оттенка спелой пшеницы создавали весьма привлекательный эффект. Встретившись с ним глазами, девушка легко и грациозно вскочила на ноги.

Она обратилась к Ланарку – и он удивился тому, что понимает ее, но тут же вспомнил, как Лауме манипулировал его мозгом, извлекая мысли, изменяя их, внушая новые концепции... «Не так уж удивительно», – решил Ланарк.

«Благодарю тебя за помощь, – сказала девушка. – Но теперь мы оба в безвыходном положении».

Ланарк ничего не ответил. Он опустил на колено и стал снимать сапоги.

«Что ты собираешься делать?» – спросила девушка.

«Плыть», – сказал Ланарк; новый язык давался ему без труда.

«Ты не успеешь доплыть – обитатели дна утащат тебя под воду». Она указала на кружившие под плотом темные силуэты. Ланарк знал, что она права.

Внимательно рассмотрев его, девушка спросила: «Ты тоже с Земли?»

«Да. А кто ты такая, и откуда ты знаешь о Земле?»

«Меня зовут Джайро, я из Гахадиона – города на берегу. Изабель Мэй, прилетевшая на таком же корабле, как твой, тоже с Земли».

«Изабель Мэй прилетела сюда всего лишь час тому назад! Как ты могла об этом узнать?»

«Час тому назад? – переспросила девушка. – Она прожила здесь уже три месяца!»
Последние слова она почему-то произнесла с горечью.

Ланарк вспомнил о том, что Лауме контролировал время в своих мирах так же, как пространство: «Но как ты здесь оказалась, на этом плоту?»

Повернувшись лицом к острову, Джайро скорчила гримасу: «Ко мне пришли жрецы. Они живут на острове и похищают людей с побережья. Они меня утащили, но вчера вечером я сбежала».

Ланарк взглянул сначала на остров, потом на город в устье реки: «Почему же власти в Гахадионе позволяют жрецам похищать людей?»

Девушка презрительно сложила губы трубочкой: «Жрецы неприкосновенны. Они служат великому богу Лауме».

Ланарк попробовал представить себе, какие изощренные эволюционные процессы Лауме применял на Маркавеле.

«Кое-кому удается бежать с острова жрецов, – продолжала Джайро. – Если их не ловят обитатели дна, они уходят жить в дикие места. Вернуться в Гахадион они не могут: их опять схватят жрецы – если фанатики не растерзают их раньше».

Ланарк молчал. В конце концов, какое ему было дело до обычаев местных жителей? В любом случае они были порождениями фантазии, населявшими воображаемую планету. Тем не менее, в присутствии Джайро, несмотря на его намерение не вмешиваться в местные дела, трудно было фактически отказаться от сочувствия.

«Изабель Мэй – в Гахадионе?»

Джайро поджала губы: «Нет. Она живет на острове. Она нынче „трижды посвященная“, верховная жрица».

Ланарк удивился: «Почему бы ее сделали верховной жрицей?»

«Через месяц после ее прибытия Иерарху сообщили о женщине „с волосами цвета ночи“ – такими, как у тебя – и он попытался увести ее на Дрефтели, священный остров, чтобы сделать ее рабыней. Она убила его огненным лучом. Так как при этом ее не поразила молния Лауме, всем стало ясно, что Лауме одобрял ее действия, и ее сделали верховной жрицей вместо разрезанного пополам Иерарха».

По мнению Ланарка, такое умозаключение рассматривали бы как чрезмерно наивное на Земле, где боги занимались человеческими делами не столь откровенно.

«Изабель Мэй – твоя подруга или любовница?» – тихо спросила Джайро.

«Ничего подобного».

«Тогда зачем она тебе понадобилась?»

«Я должен отвезти ее обратно на Землю, – Ланарк с сомнением наблюдал за тем, как неизменно увеличивалось расстояние между плотом и его космическим кораблем. – По меньшей мере, таково было мое намерение».

«Ты скоро ее увидишь, – Джайро указала на длинную черную галеру, приближавшуюся со стороны острова. – Посвященные спешат за добычей. Я снова стану рабыней».

«Еще не все потеряно», – отозвался Ланарк, нащупав рукой кобуру лазерного пистолета.

Галера, движимая ударами двадцати длинных весел, устремилась к плоту. На корме стояла молодая женщина, ее черные волосы развевались на ветру. Когда она приблизилась настолько, что можно было различить черты ее лица, Ланарк узнал девушку с фотографии Кардейла – теперь, однако, она выглядела торжественно-спокойной и самоуверенной.

Взглянув на Ланарка и Джайро, молча стоявших на плоту, а затем на космический корабль, который покачивался на волнах уже метрах в четырехстах, Изабель Мэй, казалось, готова была расхохотаться. Галера, управляемая высокими мужчинами с золотистыми волосами, подплыла вплотную к плоту.

«Значит, земная разведка решила меня навестить? – Изабель говорила по-английски. – Как ты меня нашел, вот чего я не могу понять». Изабель с любопытством рассматривала мрачную физиономию Ланарка: «Как?»

«Я последовал за твоим звездолетом, а потом объяснил ситуацию Лауме».

«И в чем заключается ситуация?»

«Я хотел бы достигнуть компромисса, приемлемого для всех заинтересованных сторон».

«Мне нет никакого дела до интересов других сторон».

«Хорошо тебя понимаю».

Они изучали друг друга. Изабель Мэй внезапно спросила: «Как тебя зовут?»

«Ланарк».

«Просто Ланарк? Никакого ранга, звания? Только фамилия?»

«Этого достаточно».

«Как хочешь. Не понимаю, что мне с тобой делать. Я не мстительна и не хотела бы, чтобы твоя карьера закончилась на Маркаввеле. Но возвращать тебе космический корабль было бы непросительным донкихотством. Я прекрасно устроилась на этой планете, и у меня нет ни малейшего намерения передавать тебе свое имущество».

Ланарк вынул из кобуры лазерный пистолет.

Изабель наблюдала за ним, не выражая никаких эмоций: «Аккумуляторы не работают после погружения в морскую воду».

«Бывают исключения», – Ланарк отрезал лучом деревянную фигуру на носу галеры.

Выражение лица Изабель Мэй изменилось: «Я ошиблась. Как это у тебя получилось?»

«Я сам спроектировал это оружие, – объяснил Ланарк. – А теперь я вынужден потребовать, чтобы ты отвезла меня к моему кораблю».

Изабель Мэй молча смотрела на него несколько секунд, и в ее голубых глазах Ланарк узнал что-то знакомое. Где он видел раньше такое же выражение глаз? На Веере, планете развлечений? В Волшебных Рощах Хайситиля? Во время облав, когда они освобождали рабов из загонов на Старлене? В мегаполисе Трана на Земле?

Изабель повернулась и что-то пробормотала боцману – бронзовому великану с золотистыми волосами, перевязанными сзади медной лентой. Тот поклонился и отошел в сторону.

«Хорошо! – сказала Изабель Мэй. – Забирайтесь в галеру».

Джайро и Ланарк перелезли через покрытый резьбой планширь. Галера устремилась вперед, оставляя за кормой пенистую струю.

Изабель обратила внимание на Джайро, сидевшую на скамье и безутешно смотревшую на остров Дрефтели. «Ты быстро заводишь подруг, – заметила Изабель, повернувшись к Ланарку. – Красавица, однако! Что ты с ней собираешься делать?»

«Она – твоя беглая рабыня. Насчет нее у меня нет никаких планов. Эта планета принадлежит Лауме, он здесь все планирует и решает. Меня интересует только возможность увезти тебя отсюда. Если ты не хочешь возвращаться на Землю, передай мне документ, который ты взяла с собой, и оставайся на Маркаввеле сколько хочешь».

«Не получится. Документ останется при мне. Кроме того, я не ношу его с собой, так что обыскивать меня бесполезно».

«Судя по всему, ты приняла бесповоротное решение, – сказал Ланарк. – Тебе известно содержание документа?»

«Более или менее. Это своего рода чек на предъявителя, позволяющий заполучить все сокровища Земли».

«Достаточно верное определение. Насколько я понимаю всю эту неприятную историю, тебя раздражает то, как обошлись с твоим отцом».

«Я бы назвала твое истолкование событий чрезмерным преуменьшением».

«Помогли бы тебе деньги примириться с положением вещей?»

«Мне не нужны деньги. Я хочу отомстить. Хочу повалить виновных лицом в грязь и пинать их до изнеможения, хочу, чтобы они провели остаток жизни в кандалах и мучениях!»

«Тем не менее... деньги тебе могут пригодиться. Богатство сделает твою жизнь очень приятной. А у тебя впереди вся жизнь. Не думаю, что ты хочешь провести ее здесь, в голове у Лауме».

«Верно».

«Тогда назови сумму».

«Гнев и горе не измеряются в долларах».

«Почему нет? Миллион? Десять миллионов? Сто миллионов?»

«Остановись! Я не могу представить себе такие деньги».

«Значит, сто миллионов?»

«Какую пользу мне принесут деньги? Меня снова посадят в колонию в Неваде».

«Нет. Я могу лично гарантировать, что тебя больше не посадят».

«Бессмысленная гарантия. Я ничего о тебе не знаю».

«Узнаешь – на обратном пути к Земле».

Изабель Мэй сказала: «Ланарк, ты умеешь уговаривать. Честно говоря, я соскучилась по Земле». Она отвернулась, глядя на океан. Ланарк наблюдал за ней. Невозможно было отрицать привлекательность Изабель – Ланарк едва мог оторвать от нее глаза. Когда она села на скамью рядом с Джайро, однако, Ланарк ощутил прилив другого, более сильного чувства. Оно раздражало его, и он попытался о нем забыть.

IV

Впереди покачивался на волнах космический корабль. Галера быстро приближалась к звездолету; при этом гребцы не замедляли ритмичные движения. Ланарк прищурился и вскочил, выкрикивая приказы. Но галера не повернула и не остановилась – она врезалась в звездолет, подминая его под окованным килем. Вода заливала открытый люк; корабль дрогнул и затонул – его темнеющий корпус быстро погрузился в зеленые глубины.

«Жаль! – заметила Изабель. – С другой стороны, теперь мы можем говорить на равных. У тебя есть лазерный пистолет, а у меня – космический корабль».

Ланарк молча уселся на скамью. Через некоторое время он спросил: «А где твой пистолет?»

«Он взорвался, когда я пыталась его перезарядить от генераторов звездолета».

«И где твой звездолет?»

Изабель рассмеялась: «Ты ожидаешь, что я отвечу?»

«Почему нет? Я бы не оставил тебя на Маркаввеле».

«Тем не менее, не думаю, что тебе следует об этом знать».

Ланарк повернулся к Джайро: «Где Изабель спрятала свой корабль?»

Изабель высокомерно произнесла: «Верховная жрица всемогущего Лауме повелевает тебе молчать!»

Джайро переводила взгляд с Изабель на Ланарка и обратно. Девушка приняла решение: «Ее корабль – на площади перед Малахитовым храмом в Гахадионе».

Изабель молчала. Наконец она сказала: «Лауме забавляется. Джайро в тебя влюбилась. И ты к ней тоже испытываешь какие-то чувства».

«Лауме обещал не вмешиваться», – возразил Ланарк.

Изабель язвительно рассмеялась: «Мне он тоже обещал не вмешиваться – и смотри! Я – верховная жрица. Кроме того, он обещал, что никого больше не пустит на Маркаввель из внешнего мира, что мне никто здесь не повредит. Но ты здесь!»

«Я не намерен тебе вредить, – сухо отозвался Ланарк. – Мы легко могли бы стать друзьями, а не врагами».

«Я не хочу с тобой дружить. А в качестве врага ты не создаешь для меня никакой особенной угрозы. Взять его!» – приказала Изабель.

Высокий боцман подбежал и набросился на Ланарка. Ланарк вывернулся у него из рук и с силой оттолкнул его ногой – боцман растянулся на палубе, ударился головой и лежал, оглушенный падением.

Чьи-то пальцы прикоснулись к бедру Ланарка. Он обернулся, смахнув упавшие поперек лба черные волосы: Изабель Мэй улыбалась, глядя ему в глаза. В руке она небрежно держала лазерный пистолет.

Джайро поднялась со скамьи. Прежде, чем Изабель успела отреагировать, Джайро толкнула ее ладонью в лицо и в то же время выхватила пистолет у нее из руки, направив его дуло на Изабель. «Сядь!» – приказала девушка.

Рыдая от ярости, Изабель опустилась на скамью.

Юное лицо Джайро раскраснелось, она торжествовала; отступив к поперечной балке галеры, она держала Изабель на прицеле.

Ланарк молча стоял.

«Теперь приказывать буду я, – заявила Джайро. – Ты, жрица! Скажи гребцам, чтобы плыли к Гахадиону, живо!»

Изабель мрачно подчинилась. Длинная черная галера повернула к городу.

«Это, конечно, святотатство, – заметила Джайро, обращаясь к Ланарку. – Но после того, как я сбежала с острова жрецов, мне нечего терять».

«Что ты намерена делать со своей новоприобретенной свободой?» – поинтересовался Ланарк, подходя чуть ближе к девушке.

«Прежде всего я выстрелю в любого, кто попытается отобрать у меня оружие», – предупредила Джайро. Ланарк отступил. «Во-вторых... – девушка помолчала. – Скоро сам увидишь».

Белые террасы Гахадиона быстро приближались.

Изабель угрюмо сгорбилась на скамье. Ланарку оставалось пустить события на самотек. Он расслабился, прислонившись спиной к поперечной балке, но в то же время продолжал следить краем глаза за Джайро. Девушка стояла, напряженно выпрямившись, за скамьей, на которой сидела Изабель, в ее ясных глазах отражался блеск плещущих, брызжущих морских волн. Ветер трепал ее волосы и прижимал тунику к стройному телу. Ланарк глубоко вздохнул. Девушка с волосами оттенка спелой пшеницы была плодом воображения. Она растворяется в небытии, как только Лауме потеряет интерес к планете Маркаввелль. Джайро была бледнее тени, призрачнее миража, мимолетнее сновидения. Ланарк перевел взгляд на Изабель – девушку с Земли, сверлившую его ненавидящими глазами. Эта была настоящей.

Галера уже заплыла в устье реки и направлялась к белым докам Гахадиона. Ланарк поднялся на ноги, глядя на город, на людей в белых, красных и синих туниках, толпившихся на пристани, после чего повернулся к Джайро: «Теперь мне придется забрать у тебя оружие».

«Отойди, или я...» Ланарк выхватил пистолет из ее мягкой, слабой руки. Изабель насмешливо наблюдала за происходящим.

Из неба послышался глухой пульсирующий звук, напоминавший биение чудовищного сердца. Наклонив голову набок, Ланарк прислушался, обвел взглядом небосклон. На горизонте появилось странное облако, похожее на полосу блестящего белого металла, вспухавшее и опадавшее в такт небесному пульсу. Облако удлинялось и расширялось с невероятной быстротой, пока не окольцевало горизонты во всех направлениях. Биение превратилось в оглушительный прерывистый гром. Сам по себе воздух казался тяжелым, угрожающим. Ланарку пришла в голову ужасная мысль. Он повернулся и закричал на застывших в ужасе гребцов, опустивших весла в воду: «Быстро – к причалу!»

Гребцы стали лихорадочно работать веслами, но галера почти не шевелилась. Речная вода стала маслянистой и густой, как сироп. Вершок за вершком, галера толчками подвигалась к пристани. Ланарк заметил, что обе девушки в испуге встали рядом, Изабель с одной стороны, Джайро – с другой.

«Что происходит?» – прошептала Изабель. Ланарк смотрел на небо. Облако, похожее на блестящую полосу металла, задрожало и породило еще одно кольцо, колебавшееся и подпрыгивавшее над первым.

«Надеюсь, что я ошибаюсь, – сказал Ланарк, – но Лауме, судя по всему, сходит с ума. Взгляните на тени!» Ланарк повернулся к солнцу – оно трепыхалось и дрожало, как умирающее насекомое, описывая случайные, бессмысленные дуги. Оправдывались наихудшие опасения Ланарка.

«Этого не может быть! – воскликнула Изабель. – Что теперь будет?»

«Ничего хорошего».

Галера наконец причалила. Ланарк помог обеим девушкам взобраться на пристань и последовал за ними. По улицам в панике носились толпы высоких людей с золотистыми волосами.

«Ведите меня к звездолету!» – Ланарку приходилось перекрикивать вопли бегущих горожан. Он подумал – и в испуге перестал думать – о том, что могло случиться с Джайро.

Ланарк заставил себя сосредоточиться на первоочередной задаче. Изабель настойчиво звала его: «Идем, скорее!»

Ланарк схватил Джайро за руку, и они побежали вслед за Изабель к храму с черным портиком, видневшемуся в конце широкого проспекта.

Воздух содрогнулся; из неба посыпался дождь теплых красных сгустков – небольших пунцовых медуз, жаливших обнаженную кожу, как крапива. Вопли толпы слились в сплошной истерический рев. Красные плазмоиды расплывались, превращаясь в завесу розовой слизи, уже покрывшую мостовую потоком глубиной по щиколотку.

Изабель поскользнулась, упала в эту гибельную массу и не могла подняться, пока Ланарк не помог ей.

Они продолжали пробираться к храму. Ланарк поддерживал девушек, с подозрением поглядывая на сооружения по обеим сторонам улицы.

Град красных комков прекратился, по улицам медленно струились потоки слизистой розовой грязи.

Цвет неба изменился – каким оно стало? Такого цвета не было в спектре. Такой цвет мог вообразить только спятивший бог.

Розовая слизь свертывалась и распадалась, растекаясь дрожащими лужицами, как ртуть – лужицы внезапно превратились в бесчисленные миллионы ярко-голубых гомункулов. Гомункулы бегали, прыгали, сновали по улицам, образуя трясущийся, переливающийся голубой ковер из маленьких существ с ничего не выражающими лицами. Они хватались за одежду и карабкались вверх по ногам, как мыши; Ланарк шел, наступая на них, и не обращал внимания на их сдавленный писк.

Солнце, судорожно содрогавшееся в небе, замедлилось, потускнело и сплющилось. Оно покрылось струйчатыми полосками и, на глазах притихшего в ужасе населения Гахадииона, превратилось в сегментированного белого слизня длиной в пять диаметров прежнего солнца, но шириной не больше одного. Слизень повертел головой и уставился с неба невероятного оттенка вниз, на поверхность Маркаввеля.

Обезумевшие толпы горожан бежали кто куда по широким улицам. Ланарк и двух девушек несколько раз чуть не сбили с ног на перекрестках – если бы это случилось, их тут же раздавили бы.

Они нашли убежище на небольшой площади, у мраморного фонтана. К тому времени Ланарк уже воспринимал происходящее отчужденно, будучи уверен в том, что видит кошмарный сон.

Голубой гомункул забрался к нему в волосы и принялся что-то распевать тихим приятным баритоном. Ланарк поймал его и поставил на мостовую. Он немного успокоился, ум его прояснился. Это не был кошмар, это была действительность – что бы ни означало слово «действительность». Нужно было спешить! Толпы почти разбежались – путь был открыт: «Пойдем!» Ланарк повлек за собой двух девушек, замороженных кривлянием слизня, висевшего в небе.

Как только они побежали дальше, началось преобразование – Ланарк ожидал и боялся именно этого. Вещество Гахадииона – и всего Маркаввеля – превращалось в нечто неестественное. Беломраморные здания становились серыми, как замазка, и расплывались под собственным весом. Малахитовый храм – легкий, ажурный купол на зеленых малахитовых колоннах – оседал и растекался бесформенной влажной массой. Ланарк подстегивал девушек криками – нужно было бежать со всех ног.

Горожане больше никуда не спешили – спешить было некуда. Они стояли, оцепенев от ужаса, и неотрывно смотрели на блестящего гигантского слизня в небе. Кто-то истошно закричал: «Лауме, Лауме!» Ему стали вторить сотни голосов: «Лауме, Лауме!»

Лауме не подавал никаких признаков того, что он их слышал.

Ланарк тревожно следил за жителями Гахадиона – он боялся того, что они, будучи воображаемыми людьми, превратятся в каких-нибудь кошмарных существ. Потому что, если бы они изменились, Джайро изменилась бы таким же образом. Зачем брать ее с собой в звездолет? Она не сможет существовать за пределами воображения сумасшедшего бога... Но как он мог ее здесь оставить?

Поверхность Маркаввеля менялась. Из земли вырастали черные пирамиды – чудовищно удлиняясь, они устремлялись вверх и становились черными заостренными шпильями высотой несколько километров каждый.

Ланарк увидел наконец космический корабль, целый и невредимый, сделанный из прочного вещества, более устойчивого, чем материя Маркаввеля. Под ногами чудовищные процессы сотрясали глубины планеты – так, словно само ядро Маркаввеля распалось. До звездолета оставалось еще метров сто. «Скорее!» – задыхаясь, подгонял он девушек.

Пока они бежали, Ланарк все время следил за состоянием окружающих горожан. Нечто подобное холодному ветру закружилось у него в голове – он понял, что перемена настала. Это поняли и сами жители Гахадиона. Они стояли, пошатываясь, не веря своим глазам, глядя на свои руки, ощупывая свои лица.

Слишком поздно! Ланарк надеялся на то, что в космосе, вдалеке от Маркаввеля, Джайро могла бы сохранить форму и личность. Но они опоздали! Все местные жители были охвачены проказой. Они расцарапывали шелушащиеся лица, спотыкались, падали – ссохшиеся ноги их больше не держали.

Ланарк в отчаянии почувствовал, что одна из рук, которые он держал, стала жесткой и морщинистой. Его спутница остановилась и молча опустила на мостовую, ее ноги завяли и ссохлись. Ланарк тоже остановился и скорбно взглянул на нечто бесформенное, неузнаваемое – девушки больше не было.

Земля дрогнула у него под ногами. Вокруг корчились и падали умирающие горожане. Сверху, низвергаясь из безумного неба, приближался блестящий слизень. Черные шпильи головокруглительно возвышались над растекающимися остатками Гахадиона. Но Ланарк не обращал внимания на ужасные чудеса. Перед ним стояла Джайро – задыхающаяся, готовая упасть от усталости – но целая и невредимая, золотоволосая Джайро! Умиравший на мраморной мостовой комок воображаемой плоти... только что это была Изабель Мэй. Схватив Джайро за руку, Ланарк отвернулся и побежал к звездолету.

Откинув люк, он протолкнул Джайро внутрь. Как только он прикоснулся к корпусу, Ланарк понял, что космический корабль тоже изменялся. Холодный металл проникся дрожью, начинал жить своей собственной жизнью. Ланарк захлопнул за собой люк и, не позаботившись предварительно прогреть готовые треснуть холодные дюзы, включил двигатели.

Корабль взлетел, поднимаясь все круче, маневрируя в лесу блестящих черных шпилей, теперь уже вытянувшихся в космос на сотни километров; Ланарк обогнул на расстоянии полтора тысяч километров гигантского слизня, неумолимо ползущего с неба к поверхности Маркаввеля. Как только звездолет вырвался в космос, Ланарк увидел сверху этого слизня, распростертого над половиной полушария планеты – слизень корчился, пронзенный тысячами высоких черных шпилей.

Ланарк направил корабль, летевший с максимальной возможной скоростью, к путеводной звезде. Она все еще горела, голубая и яркая – единственный неизменный, надежный ориентир. Во всех остальных направлениях безвоздушное пространство закручивалось турбулентными потоками – звезды кружились, как блески, захваченные чернильным водоворотом.

Ланарк бросил быстрый взгляд на Джайро и сказал: «Когда я уже решил, что меня больше ничто не способно удивить, Изабель Мэй умерла, а ты, Джайро из Гахадиона, продолжаешь жить».

«Я – Изабель Мэй. Ты уже догадался».

«Конечно, догадался. Таков единственный возможный вывод». Ланарке приложил ладонь к внутренней поверхности корпуса корабля. Металл стал теплым, живым, он уже начал шевелиться: «Только чудо поможет нам выбраться из этого кошмара».

Изменения ускорялись. Приборы управления атрофировались, иллюминаторы стали мутными, как хрящ. Двигатели, кабели и трубопроводы звездолета превратились в путаницу внутренних органов, стены стали влажной, розовой, ритмично пульсирующей плотью. Снаружи слышались звуки, напоминающие хлопанье огромных крыльев, под ногами текли струйки темной жидкости. Ланарк побледнел и покачал головой; Изабель прижалась к нему.

«Мы в утробе... в утробе чего-то – не знаю, чего».

Изабель ничего не ответила.

Послышался резкий хлопок – такой, словно пробка вылетела из бутылки шампанского; их ослепил внезапный поток серого света. Ланарк взял правильный курс; то, во что переродился звездолет, по инерции вырвалось в реальную Вселенную и продолжало лететь – неуправляемое, обреченное.

Изабель и Ланарк не удержались на ногах, внезапно очутившись на полу жилища Лауме. Сначала они не могли понять, каким образом им удалось спастись; безопасность казалась не более чем еще одним превращением непредсказуемой «действительности».

Ланарк встал и сумел сохранить равновесие, после чего помог подняться своей спутнице. Они взглянули на Лауме, туша которого все еще содрогалась в приступе безумия. По черной шкуре волнообразно пробегала дрожь, огромные глаза помутнели и ничего не видели.

«Уйдем отсюда!» – прошептала Изабель.

Ланарк молча взял ее за руку; они вышли на выжженную солнцем, обнаженную свистящим ветром равнину. Оба звездолета стояли там, где они их оставили. Ланарк подвел Изабель к своему кораблю, открыл люк и пригласил ее забраться внутрь: «Я сейчас вернусь». При этом Ланарк заблокировал рычаг, включавший двигатели: «На всякий случай – я устал от неожиданностей».

Изабель ничего не сказала.

Направившись к звездолету, на котором прибыла Изабель, Ланарк сходным образом заблокировал механизм, приводивший в действие двигатели, после чего приблизился к белому бетонному сооружению.

Изабель прислушивалась, но стоны ветра заглушали все остальные звуки. Шипение лазерного луча? Может быть, ей показалось.

Ланарк вышел из белого здания, взобрался в звездолет и закрыл за собой люк. Пока прогревались дюзы, они сидели молча – и после того, как Ланарк потянул на себя рычаг, когда корабль взмыл в небо безжизненной планеты, они продолжали молчать.

Ни Ланарк, ни Изабель не говорили ни слова, пока корабль не оказался в межзвездном пространстве.

Только тогда Ланарк нарушил молчание: «Как ты узнала о существовании Лауме?»

«От отца. Двадцать лет тому назад он оказал Лауме небольшую услугу – убил надоедавшую Лауме паразитическую ящерицу или что-то в этом роде».

«И поэтому Лауме согласился защитить тебя от меня, сотворив воображаемую Изабель?»

«Да. Он сообщил, что ты меня ищешь и прибудешь на Маркаввелль. Он устроил так, чтобы ты встретился с поддельной Изабель Мэй, и чтобы тем временем я могла без помех оценить твои побуждения».

«Почему ты не похожа на свою фотографию в объявлении о розыске?»

«Когда меня арестовали и привезли в колонию, я была в ярости, я рыдала, я скрежетала зубами. Очень надеюсь, что больше не выгляжу так, как на этой фотографии».

«А волосы?»

«Я их выбелила».

«Другая Изабель знала, кто ты такая?»

«Не думаю. Думаю, что не знала. Лауме наделил ее моим мозгом и всеми моими воспоминаниями. Она фактически была мной».

Ланарк кивнул. Вот почему он узнал выражение глаз поддельной Изабель! Он задумчиво произнес: «Она была очень проницательна. Она решила, что мы с тобой понравились друг другу. Интересно, это так или нет?»

«Поживем, увидим».

«У нас есть время поразмышлять на эту тему... Еще один, последний вопрос: о документе, содержащем пароль».

Изабель весело рассмеялась: «Нет никакого документа!»

«Вообще никакого?»

«Нет. Хочешь меня обыскать?»

«Но где этот документ?»

«Это была скорее полоска бумаги, а не документ. Я ее разорвала на кусочки».

«Что было написано на этой полоске?»

«Пароль. Я – единственный человек во Вселенной, которому известен этот пароль. Наверное, мне не следует разглашать этот секрет – как тебе кажется?»

Ланарк задумался: «Я хотел бы узнать этот пароль. Он может пригодиться».

«А где сто миллионов долларов, которые ты мне обещал?»

«На Земле. Когда мы туда прилетим, ты можешь воспользоваться паролем».

Изабель рассмеялась: «Ты очень практичный человек. Что случилось с Лауме?»

«Он мертв».

«Он умер?»

«Я его уничтожил. Я подумал обо всем, что нам пришлось пережить. Его воображаемые люди – существовали ли они на самом деле? Мне – и самим себе – они казались настоящими. Несет ли ответственность спящий за то, что происходит в его кошмарном сне? Не знаю. Я подчинился своим инстинктам, своей совести – называй это, как хочешь – и убил его».

Изабель Мэй взяла его за руку: «Мои инстинкты подсказывают, что тебе можно доверять. Пароль – детский стишок:

Проказник Том без лишних слов
Украл свинью и был таков».

V

Ланарк явился с отчетом к Кардейлу: «Рад сообщить, что дело успешно закрыто».

Кардейл скептически разглядывал агента: «Что именно вы имеете в виду?»

«Пароль в безопасности».

«В безопасности? Где?»

«Я подумал, что следует проконсультироваться с вами прежде, чем взять его с собой».

«Пожалуй, это чрезмерная предосторожность. Как насчет Изабель Мэй? Она задержана?»

«Для того, чтобы получить пароль, мне пришлось пойти на существенные, но вполне разумные уступки – в том числе обещать ей безусловное помилование. В частности, я обещал, что с нее снимут все предъявленные ранее обвинения, что ответственные должностные лица принесут ей извинения, и что ей выплатят штрафные убытки за необоснованный арест и прочий нанесенный ей ущерб. Она желает получить официально оформленный документ, подтверждающий выполнение ее условий. Если вы подготовите такой документ, я передам его ей, и с этой проблемой будет покончено».

Кардейл холодно произнес: «Кто уполномочил вас давать такие далеко идущие обещания?»

Ланарк безразлично ответил: «Вы хотите получить пароль?»

«Разумеется».

«В таком случае последуйте моим рекомендациям».

«Вы еще больший наглец, чем можно было ожидать на основании предупреждений Дитеринга».

«Результаты говорят сами за себя».

«Каким образом я смогу предотвратить использование пароля беглянкой в дальнейшем?»

«Насколько мне известно, пользуясь паролем, вы можете связаться с системой и заменить пароль».

«Откуда вам известно, что она еще не воспользовалась паролем и не перевела на свои счета все финансовые средства Казначейства?»

«Я упомянул ей о возмещении ущерба, и она получила соответствующую сумму».

Кардейл пригладил шевелюру: «Сколько она взяла?»

«Сумма не имеет большого значения. Даже если бы Изабель Мэй решила предъявить не столь разумные требования, выплаченные ей деньги не смогли бы полностью компенсировать все, что ей пришлось пережить».

«Таково ваше личное мнение». Кардейл никак не мог решить, что ему следовало сделать в данном случае – ругаться, угрожать или развести руками. В конце концов он откинулся на спинку кресла: «Завтра вы получите упомянутый документ – и не забудьте принести с собой пароль».

«Будет сделано, господин Кардейл».

«Я все еще хотел бы знать, сколько она взяла в качестве возмещения. Если хотите, эта цифра не будет опубликована».

«Мы перечислили на несколько персональных счетов сто один миллион семьсот шестьдесят два доллара».

Кардейл уставился на Ланарка: «Вы сказали, что была согласована разумная сумма!»

«Потребовать большую сумму было так же легко, как небольшую».

«Не сомневаюсь, что потребовать большую сумму было проще. Но вы назвали странную цифру. Почему семьсот шестьдесят два доллара?»

«Ровно столько, господин Кардейл, мне задолжало Центральное разведывательное управление, бухгалтер которого все еще отказывается выписать мне чек. Эта сумма отражает расходы, понесенные мной в ходе расследования предыдущего дела, когда мне пришлось давать взятки, угощать собеседников спиртными напитками и пользоваться услугами проститутки – надеюсь, вы не желаете вникать в дальнейшие подробности».

«А что означает дополнительный, сто первый миллион?»

«Эта сумма составит фонд, с помощью которого я смогу покрывать непредвиденные расходы, если мне снова будут делать неприятности. Кроме того, миллион долларов позволит мне справиться с раздражением, причиненным бухгалтером управления». Ланарк приготовился уйти: «Я вернусь завтра в то же время».

«До завтра, Ланарк».

КАК ПОСТРОИТЬ МЕЧТУ

Когда Фарреро впервые встретился с Дуэйном Ангкером из фирмы «Марлэ и Ангкер, структуры III-го класса», его что-то мысленно оттолкнуло и отвратило; заметив, как покривились плотно сжатые губы Ангкера, он понял, что ощущение было взаимным. Приземистый и плотный, Ангкер словно сосредоточил в себе густую, маслянистую жизненную силу – так, как в окурке сигары сосредоточены крепчайшие табачные соки.

Фарреро не встречался тогда с Леоном Марлэ, другим партнером фирмы – его он не видел на всем протяжении своего трудоустройства. Он не узнал бы его, даже если бы столкнулся с ним лицом к лицу на пешеходной ленте – Марлэ предпочитал, чтобы его не видели. Его одержимость неприкосновенностью частной жизни выходила за рамки обычной замкнутости и граничила с неврозом.

Ангкер не отличался такой отчужденностью. Дверь в его кабинет всегда была открыта. Весь день техники из соседних помещений могли видеть, как Ангкер безропотно нес тяжкое бремя работы, корпел и вкалывал, как, обращаясь к телеэкрану, он подчеркивал отрывистые распоряжения взмахами кулака.

Фарреро держался подальше от кабинета Ангкера, появляясь там только для того, чтобы получить новое задание. Он считал, что удовлетворительно выполняет свою работу. Если бы это было не так, Ангкер несомненно уволил бы его и сделал бы это с превеликим удовольствием. Тем не менее, теперь, постучавшись в открытую дверь Ангкера, чтобы отчитаться о проекте Вестгеллера, он знал, что его ожидали крупные неприятности.

«Заходи!» – не поднимая голову, отозвался Ангкер. Фарреро, страдавший глухотой, увеличил громкость слухового аппарата и зашел в кабинет.

«Доброе утро!» – сказал Фарреро.

Ангкер быстро взглянул на него и тут же опустил глаза.

Фарреро положил на стол два микрофильма: «Готово к исполнению. Я показал чертежи Вестгеллеру, он доволен».

«Вестгеллеру? Надеюсь, он может заплатить», – Ангкер вставил микрофильмы в прорезь.

«Ваш кредитный отдел одобрил его счет», – пояснил Фарреро. Оттуда, где он стоял, опущенное и тем самым укороченное лицо Ангкера выглядело, как неумело вылепленная маска. «Его предприятие изготавливает утяжеленное стекло. Типа того, из которого делают туристические подводные лодки. Кроме того, он вложил капитал в лунные рудники».

На боковой стене засветился экран с голографическим изображением большого, массивного здания на фоне мрачного елового леса. Это старомодное сооружение с высокими коньками крыши и множеством печных труб очевидно было предназначено противостоять натиску зимних снегов на протяжении многих лет. На крыше, над темно-красными стенами с серым цоколем и белыми наличниками, блестели, как начищенная медь, панели солнечных батарей. Огромные темные ели подступали почти вплотную к задней стене дома; в промежутках можно было видеть удаляющиеся в сумрачной перспективе стволы других таких же деревьев.

«А! Ага... – хмыкнул Ангкер. – Неплохо сделано, Фарреро. Где этот участок?»

«В восьмидесяти километрах от Минусинска, на берегу Енисея, – Фарреро опустился в кресло и положил ногу на ногу. – На пятьдесят четвертой широте».

«Туда далековато лететь», – угрюмо заметил Ангкер.

«Вестгеллер говорит, что ему там нравится. Зима, снег, одиночество. Девственные леса, дикие животные, крестьяне – все такое. Он приобрел сто двадцать гектаров в пожизненную аренду».

Ангкер снова хмыкнул, откинулся на спинку кресла: «Цифры?»

Фарреро тоже прислонился затылком к изголовью кресла: «Нам это обойдется в сто тысяч, плюс пять тысяч на случай непредвиденных расходов и пятнадцать процентов прибыли – то есть, в общей сложности, примерно сто двадцать одна тысяча. Таково наше предложение».

Набычившись, Ангкер бросил на Фарреро неожиданно пристальный взгляд, выпрямился в кресле и нажал кнопку. На экране появился план первого этажа в разрезе. Ангкер снова нажал кнопку. Появился план второго этажа. После третьего прикосновения к кнопке на экране развернулись детальные планы расположения стен и простенков. Ангкер поднял глаза; складки, ведущие от его ноздрей к уголкам рта, углубились – Ангкер поджал жесткие губы, выпятил их.

«Как ты рассчитал эту сумму? – Ангкер ткнул карандашом в сторону голографического экрана. – На мой взгляд, ты продешевил на пятьдесят или шестьдесят тысяч. Это большой дом, причем потребуются существенная отделка».

«Я не думаю, что продешевил», – вежливо возразил Фарреро.

«На каких основаниях ты составил смету?» – столь же ласково поинтересовался Ангкер.

Фарреро обхватил руками колени: «В расчетах я руководствовался философскими соображениями».

«Философскими?! – воскликнул Ангкер – так громко, что Фарреро пришлось уменьшить громкость слухового аппарата. – Но продолжай, продолжай, будь так добр».

«Продолжу. Один из недостатков современной цивилизации – и в то же время древней цивилизации, должен заметить – заключается в том, что человек со средним доходом не способен получить самые желательные, с его точки зрения, вещи. Он никак не может привести жизнь в соответствие с мечтами. В компетентной личности типа „А“ этот дефицит возбуждает стремление зарабатывать больше денег, то есть повышать производительность. Некомпетентный и неэффективный человек типа „Б“ ощущает возмущение и неудовлетворенность, но его производительность не повышается. Людей типа „Б“ гораздо больше, чем людей типа „А“, в связи с чем, в долгосрочной перспективе, мы помогаем себе, предлагая реализующие мечты товары и услуги по сходной цене».

«Я – человек типа „Я“! – заявил Ангкер. – Для меня все эти рассуждения – бессмысленный набор звуков. Объясни, каким образом я смогу реализовать свои мечты и при этом извлечь пятнадцать процентов прибыли, если продам этот дом на шестьдесят тысяч дешевле себестоимости».

«Объясню. Нужно применять новые методы. Я тщательно изучил систему. Мои методы работают».

«Каким образом?»

Фарреро помолчал: «Лично я – человек типа „А“. Я хотел бы получать гонорар в размере пяти процентов поступлений от продажи всех домов, построенных с использованием моих методов. Рассматривайте это как официальный запрос».

«Продолжай».

«Прежде всего подпишите эту памятную записку».

Ангкер едва взглянул на записку: «Пожалуйста!» Он размашисто подписал бумагу снизу.

«Замечательно! – отозвался Фарреро. – Превосходно. Я распоряжусь, чтобы начали строительство». Он стал подниматься на ноги.

«Не торопись! Каким образом все это получится?»

Фарреро сказал: «Ну, прежде всего, в Восточной Сибири земля стбит недорого. Мы забиваем сваи из карболона в вечную мерзлоту, пользуясь спроектированными мной машинами. Устанавливаем столбы из карболона и прокладываем водопроводные и канализационные трубы, электропроводку и воздухопроводы, после чего заливаем плиту из коагулированного грунта. В данный момент я не могу раскрыть состав связующего вещества, но оно высокоэффективно. На плите сразу выкладывают керамическую плитку или паркет из твердых пород

дерева. На этом заканчивается первый день работ. Затем – и в этом состоит сущность моих нововведений – стены и перегородки формируются вокруг предварительно установленных дверей, окон и каминов, которые не приходится вставлять в проделанные позже проемы. Таким образом срок выполнения работ сокращается на три дня. На третий день сверху опускается готовая сборная крыша; в ней заранее установлены осветительные приборы и теплоизоляция, после чего наносится наружное покрытие. На четвертый день производятся ландшафтные работы на приусадебном участке; отделочные работы занимают еще пару дней. После чего Вестгеллер сможет въехать в новый дом».

«Если не будет никаких задержек или сбоев».

«Не предвидится никаких задержек, кроме вызванных исключительно неблагоприятными погодными условиями».

Ангкер резко наклонился вперед, направив острие карандаша на Фарреро: «Не следовало представлять смету Вестгеллеру, не проконсультировавшись предварительно с моим управлением».

«Я сделал только то, за что вы мне платите, – с быстротой, свидетельствующей о предварительной подготовке, возразил Фарреро. – Разработал проект, подготовил смету, продал дом».

«Ошибаешься! Тебе платят не только за работу, но и за соблюдение интересов компании. Допустим даже, что твоя система эффективна. Финансирование твоих теорий само по себе обошлось нам в кругленькую сумму. У меня тоже есть теории, которые я хотел бы финансировать – и, так как я руковожу компанией, моим теориям уделяется первоочередное внимание».

«Хорошо понимаю вашу точку зрения, – вежливо отозвался Фарреро. – Тем не менее, это близорукий подход. Принося пользу всему человечеству, мы тем самым приносим пользу себе. Таков фундаментальный принцип „Лиги надежды“, и я в нее вступил».

«И ты надеешься платить за достижение целей этой организации моими деньгами?»

Фарреро задумался на несколько секунд: «На этот вопрос я мог бы ответить „Да“ или „Нет“. Ответив „Да“, я мог бы указать на тот факт, что ваше личное состояние намного превосходит сумму, достаточную для удовлетворения ваших потребностей. Тем не менее, я отвечу „Нет“. Я получил недвусмысленные указания: мне поручили предлагать цены, позволяющие компании извлечь прибыль в размере пятнадцати процентов, и я в точности выполнил это требование».

Когда Ангкер злился, его собачьи карие глаза пучились, светлели и становились рыжими. Теперь он взялся обеими руками за край стола; внутренне трепещущий Фарреро, глядя прямо в глаза начальнику, заметил в них рыжий огонек.

«Пятнадцать процентов, – сказал Ангкер, – позволяют компании существовать, ни шатко ни валко. Тем не менее, твои суждения должны прежде всего служить интересам фирмы. Мы гарантируем заказчикам только высококачественное выполнение работ, ничего больше. Если наши расценки их устраивают, дело в шляпе. Если нет, они могут обратиться в одну из тридцати девяти фирм, получивших такую же лицензию, как наша».

Поднимаясь на ноги, Фарреро возразил: «Вы забываете, что предлагаемая экономия средств – моя идея. Я разработал систему».

«Работая на мою компанию!»

Лицо Фарреро порозовело: «Пользуясь оборудованием компании, я построил, в интересах компании, небольшой макет здания, чтобы проверить осуществимость и надежность моего проекта. Всю свою систему я разработал еще до того, как закончил Институт. Так или иначе, я зарегистрировал патент под своим именем».

«Очень хорошо! – многозначительно заметил Ангкер. – Теперь тебе придется передать право собственности на этот патент фирме „Марлэ и Ангкер“».

Фарреро засунул руки в карманы: «Вы шутите!»

«Фарреро, сколько тебе лет?»

«Двадцать восемь».

«Ты учился в Институте четыре года, изучая методы строительства III-го класса, не так ли?»

«Совершенно верно».

«Таким образом, если бы тебе не удалось найти работу в строительной фирме III-го класса, эти четыре года можно было бы считать потерянными зря».

«Странно от вас это слышать, – заметил Фарреро. – На мой взгляд, это не имеет никакого отношения к обсуждаемому вопросу. Какое значение в данном случае имеет существование других компаний, входящих в нашу ассоциацию?»

«Большое значение – по двум причинам. Если фирма „Марлэ и Ангер“ внезапно снизит расценки, возникнет перекос во всей отрасли. Конкуренция не слишком беспокоится о том, какую прибыль мы извлекаем – постольку, поскольку мы не нарушаем существующую структуру цен».

«Исключительно близорукий подход».

«Во-вторых, допустим, что ты больше не будешь работать в фирме «Марлэ и Ангер». Само собой, тебе придется подать заявку на трудоустройство в другой фирме, входящей в ассоциацию. Почему? Потому что других компаний, получивших лицензии на строительство III-го класса по всему миру, нет. Когда они получают от тебя такую заявку, они мне позвонят и спросят: «Почему от вас ушел этот парень по имени Фарреро?»

«Я им скажу: «Он придает слишком большое значение философским принципам. Он вступил в «Лигу человеческого достоинства»...»

«В „Лигу надежды“».

«...И каждый раз, когда он видел способ сэкономить средства, он спешил предложить заказчику скидку прежде, чем посоветоваться с управлением. Симпатичный парень, но от него одна головная боль». И во всех тридцати девяти компаниях твою заявку отправят в мусорную корзину – такова вторая причина, по которой они имеют самое непосредственное отношение к обсуждаемому вопросу».

«Понятно».

«А теперь о твоей системе. Она очевидно была спроектирована, пока ты работал у нас. Таким образом, она является интеллектуальной собственностью компании. Это подтверждается тысячами юридических прецедентов».

«Я разработал свой метод и десятки других методов, когда я учился в Технологическом институте».

«Доказательства?»

«В патентном бюро».

«Когда зарегистрированы патенты?»

Фарреро махнул рукой: «Неважно. Моя основная идея – в том, чтобы затраты на строительство домов класса III можно было свести на уровень класса II – а это, конечно, невозможно запатентовать».

«Причем идея практически нецелесообразна. Если заказчики желают платить по расценкам II-го класса, пусть покупают дома II-го класса в нашей дочерней компании, „Экс-Эй-Би“».

Фарреро протянул руки к начальнику: «А общественное благосостояние ничего для вас не значит? Вы хотите делать деньги, но ничего не давать взамен? Это кредо воришки, а не бизнесмена!»

Ангер прикоснулся к кнопке на столе: «Дэйв? Эрнест Фарреро скоро пройдет мимо твоего кабинета, направляясь к выходу. Приготовь для него последний чек. С этой минуты он уволен».

«Будет сделано», – послышался ответ.

Фарреро разгорячился: «Это просто глупо! Это несправедливая месть! Если вы не можете обсуждать отвлеченные идеи, не прибегая к грубому принуждению, вы – неблагородный, бесчестный человек, заслуживающий банкротства! По сути дела, я сделаю все для того, чтобы вы потеряли свои деньги».

«Даже так? Ты не найдешь работу ни в одной фирме, входящей в ассоциацию, могу тебя заверить».

«Пустая угроза! Я намерен основать свое собственное предприятие».

«Ты забыл о существенной детали – для этого нужна лицензия. А у тебя ее нет. И тебе ее не выдадут. А без лицензии ты не сможешь ни построить, ни продать даже собачью конуру – ни на Земле, ни на Марсе, ни на Луне».

Фарреро с улыбкой покачал головой: «Если бы вы были правы – а вы не всегда правы, о чем свидетельствует ваше отношение к „Лиге надежды“ – я действительно оказался бы в незавидном положении».

«Готов держать пари на твои грязные лиловые носки, что ты в незавидном положении! Возвращайся в Институт и постарайся научиться уму-разуму!»

«Инфантильные оскорбления и угрозы, господин Ангкер. Позвольте мне кое-что предсказать – если хотите, можете рассматривать мой прогноз, как ответную угрозу. Вы только что выслушали описание новаторских принципов строительства. У меня в запасе еще несколько изобретений – и прежде, чем я их полностью реализую, вы начнете стремительно терять доходы и пригласите меня в фирму в качестве равноправного партнера. Не забывайте мои слова, господин Ангкер».

Фарреро выключил слуховой аппарат и вышел из кабинета.

Ангкер прикоснулся к еще одной кнопке. Отозвался тихий голос: «Да?»

«Вы прослушивали последний разговор в моем кабинете?»

«Нет», – ответил Марлэ.

«Послушайте – это очень любопытный разговор». Ангкер отрегулировал рекордер и воспроизвел запись беседы.

«Что вы об этом думаете?» – спросил Ангкер невидимого Марлэ.

«Как вам сказать, Дуэйн... – тихо и любезно ответил голос Марлэ. – Вы могли бы подойти к этой ситуации не столь прямолинейно...» Голос партнера превратился в шепот и замолк, после чего послышался снова: «Доказывать право собственности на патенты очень трудно. Тем не менее, может быть, это только к лучшему. Наша отрасль стабильна. Мы делаем деньги. Невозможно предсказать, к чему привели бы подобные новшества. Может быть, следует созвать совещание членов ассоциации и, так сказать, выложить карты на стол. Думаю, после этого никто не наймет Фарреро и не заключит договор об использовании его процесса».

Ангкер с сомнением хмыкнул: «Я предупредил его, но не уверен в этом на сто процентов».

В голосе Марлэ послышалась вежливая, но настойчивая нотка: «В ассоциацию входят сорок компаний. Вероятность того, что Фарреро обратится в любую из этих фирм, равна соотношению единицы к тридцати девяти. Поэтому каждый из членов ассоциации возьмет на себя соответствующие обязательства, чтобы защитить свои интересы».

«Хорошо. Я созову совещание».

На следующий день Ангкер вызвал секретаршу: «Соедините меня с Вестгеллером».

«Сию минуту... Впрочем, господин Ангкер, господин Вестгеллер как раз позвонил и желает с вами поговорить».

«Пусть говорит».

На экране Ангкера появилось лицо Лорина Вестгеллера – жирное, благодушное, с блестящими голубыми глазами. «Господин Ангкер! – сказал Вестгеллер. – Я решил не поручать вашей фирме дальнейшее осуществление моего проекта. Вы можете выставить мне счет за проделанную работу».

Ангкер набычился: «В чем дело? Цена слишком высока?»

«Нет, – отозвался Вестгеллер. – Цена тут ни при чем. По сути дела, я готов потратить гораздо больше – порядка миллиона».

У Ангкера отвисла челюсть: «Кто... Я имею в виду, следует ли мне направить к вам консультанта?»

«Нет, – отказался Лорин Вестгеллер. – Я уже подписал контракт – с одним из ваших бывших служащих, господином Фарреро. Как вам, наверное, известно, он теперь самостоятельно ведет дела».

Ангкер уставился в экран: «Фарреро? У него нет строительной лицензии! Как только он вобьет в землю первую сваю, мы подадим на него в суд».

Вестгеллер кивнул: «Он уведомил меня об этом. Благодарю вас, однако, за совет. Всего наилучшего!» Экран помутнел, розовое послесвечение быстро погасло – осталось только серое матовое стекло.

Ангкер связался с Марлэ и выпалил последние новости.

«Мы ничего не можем сделать, пока Фарреро не попытается начать строительство, – сказал Марлэ. – Как только он совершит какие-либо незаконные действия, мы вчиним ему иск».

«Он что-то задумал. У Фарреро не все дома, но он не дурак».

«Никого, кто сумел заручиться контрактом стоимостью в миллион, нельзя назвать дураком, – согласился обладатель тихого голоса. – Нам остается только ждать. Вы можете нанять детектива, чтобы тот следил за Фарреро».

«Я уже это сделал».

Через два часа на столе Ангкера прожужжал сигнал вызова.

«Да?» – рявкнул Ангкер.

«Звонит господин Лескович».

«Соедините меня».

На экране появилось лицо детектива.

«Так что же?»

«Фарреро ускользнул».

«Каким образом?»

«Он зашел в общественный туалет на центральной пересадочной станции. Я стоял напротив, в зале ожидания, с детектором в руке. Детектор давал положительные показания. Но Фарреро не двигался десять минут. Я стал подозревать неладное и зашел в туалет, чтобы проверить, в чем дело. Его пиджак висел на крючке, с потайным излучателем в подкладке. Он от нас ушел».

«Найдите его!»

«Я уже поручил это четырем агентам».

«Позвоните мне сразу же, как только что-нибудь узнаете».

Через шесть месяцев на столе Ангкера прозвучал сигнал вызова. Не отрывая глаз от модели карибского острова, Ангкер отозвался: «Да?»

«Звонит господин Лескович».

«Пусть говорит».

На экране возникло лицо детектива: «Фарреро вернулся».

«Когда?»

«Судя по всему, на этой неделе».

«Вы узнали, где он пропал?»

«На этот счет ничего не могу сказать».

«И что он теперь делает?»

«Он в управлении Франклина Керри из фирмы „Арматуры Керри“. Он провел там уже два часа».

«Керри! Это один из наших клиентов! По меньшей мере, он рассматривает наши предложения... Вы можете что-нибудь еще сообщить о Фарреро?»

«У него денег куры не клюют – он остановился в „Глориане“».

Ангкер сказал: «Подождите минутку!»

Переключив канал связи, он сообщил о происходящем партнеру.

«Пока что у нас нет никаких оснований для решительных действий, – уклончиво ответил Марлэ. – Придется еще подождать – посмотрим, что будет дальше».

Ангкер снова соединился с детективом: «Следите за ним. Сообщайте мне обо всем, что он делает. Узнайте, чего он хочет от Керри».

«Будет сделано», – экран погас.

Ангкер вломился в кабинет Марлэ: «Он опять принялся за свое!»

Марлэ сидел в полутьме, глядя в окно на многоярусный город. Он медленно повернулся к партнеру: «Надо полагать, вы имеете в виду Фарреро».

Ангкер расхаживал взад и вперед: «Теперь он в конторе Глокмайндера. А перед этим навещал Крэйна и Хаггарти. Мелких клиентов он не обхаживает, но как только чует крупный заказ...»

«Что говорит Глокмайндер?»

«То же самое – то, что говорили Керри и Крэйн, Хаггарти и Демплайн, Черчуорд, Кленко и Вестгеллер. Глокмайндер заключил с Фарреро контракт, но больше ничего не объясняет».

Марлэ поднялся на ноги, потирая подбородок: «Кто-то из управления ему доносит. Или он каким-то образом получает доступ к нашей информации».

Мышцы вокруг рта Ангкера напряглись: «Я пытался обнаружить утечку – никто ничего не знает». Он сжимал и разжимал кулаки.

Марлэ повернулся к окну: «Детектив ничего не сообщает?»

«Я представил вам его последний отчет. Фарреро заказывает материалы по всему миру – строительные и ландшафтные. Но нигде не производятся никакие незаконные работы, все делается по лицензии».

«Ловкач!» – Марлэ размышлял, поигрывая тяжелым куском синего шпинеля, которым пользовался в качестве пресс-папье.

«Он угрожал мне – и сдержал слово, – мрачно пробормотал Ангкер. – Из-за него мы потеряли миллионы».

Марлэ бледно улыбнулся: «Вот именно».

Наступило молчание. Ангкер мерил пол грузными шагами. Марлэ смотрел в окно.

«Что ж, – сказал наконец Марлэ. – Нужно что-то делать».

Фарреро арендовал двухкомнатную контору в Башне Небожителей, с окнами, выходящими на запад, в сторону Амаргоса-парка и торчащей вдаль Стелы Всех Наций. Кроме того, он нанял секретаршу – мисс Флору Густафсон, претендовавшую на скандинавское происхождение, в доказательство чего она демонстрировала волосы, светлые, как березовая кора, и глаза, голубые, как Гейрангер-фьорд. Флора была чуть больше котенка, но в ней все прекрасно сочеталось – кроме того, она за версту чуяла детективов.

Прожужжал сигнал вызова. Флора включила телеэкран и сразу узнала, кто звонил: «А, добрый день, господин Вестгеллер! – на экране появилась круглая, румяная физиономия Вестгеллера. – Я сейчас же соединю вас с господином Фарреро».

«Благодарю вас», – отозвался Вестгеллер. Флора бросила на экран пронизательный взгляд и вызвала Фарреро.

«Привет, господин Вестгеллер! – сказал Фарреро. – Что я могу для вас сделать?»

«Мой старый приятель, Джон Эчеверри, хотел бы построить усадьбу, и я порекомендовал ему к вам зайти».

«Очень хорошо, господин Вестгеллер. Попробую его принять – хотя в последнее время мы очень заняты».

«Всего хорошего, Фарреро!» – Вестгеллер внезапно исчез с экрана. Фарреро слегка улыбнулся, потирая подбородок, после чего вышел в приемную и поцеловал Флору.

Джон Эчеверри, примерно шестидесяти лет, высокий и тощий, был бледен, как сырое тесто. Тонкие пряди редких седых волос на его большой яйцевидной голове слегка шевелились при малейшем дуновении, как непослушные самостоятельные придатки. Глаза господина Эчеверри, погруженные в глубокие впадины, казалось, никогда не моргали. У него были большие уши с длинными бледными мочками и длинный бледный нос, кончик которого подергивался, когда он говорил.

«Присаживайтесь! – пригласил его Фарреро. – Насколько я понимаю, вы намерены начать строительство?»

«Вот именно. Курить у вас можно?»

«Ни в коем случае!»

Эчеверри удивленно взглянул на Фарреро и недовольно пожал плечами.

«Что вы хотели бы построить? Предупреждаю – у меня высокие расценки. Я делаю то, чего хотят клиенты, но это обходится недешево».

Эчеверри поиграл пальцами в воздухе: «Что-нибудь вроде просторного сельского дома в тихом месте, где нет никаких соседей. Я готов заплатить».

Фарреро постучал карандашом по столу, положил карандаш и продолжал наблюдать за клиентом.

Эчеверри сказал: «Вестгеллер считает, что вы очень хорошо выполнили его заказ. Больше ничего, в сущности, он не прибавил».

Фарреро кивнул: «Это предусмотрено контрактом. Я вынужден скрывать подробности сделок, чтобы предохранить себя – в частности, от бывших работодателей, Марлэ и Ангкера. Редкостные мошенники!»

«В самом деле? Мне говорили, что у них высокая репутация».

«Вас ввели в заблуждение. Ангкер – мрачный тупой увалень с нравственными понятиями гигиены. Марлэ – невероятно уродливый тип, боится показываться на людях. Друг другу они не доверяют и скандалят, как умалишенные. Их компания на краю банкротства. Работу они выполняют спустя рукава, не дают никаких гарантий и безбожно обсчитывают заказчиков».

«Гм! – поднял брови Эчеверри. – Далеко идущие обвинения, я бы сказал!»

«И это только вершина айсберга, – Фарреро отрегулировал слуховой аппарат. – Будьте добры, говорите громче, господин Эчеверри. Я едва разбираю ваши слова».

«Хорошо, вернемся к моему проекту. Я хотел бы видеть образец вашей работы. Если все, что вы делаете, скрыто под завесой секретности...»

Фарреро прервал его: «В секретности скоро не будет необходимости. В настоящее время меня главным образом беспокоит чрезмерное количество клиентов. В обозримом будущем у строителей класса III не будет новых заказов, пока я не продам тысячу сто тридцать два поместья».

«Любопытно! Как вы определили такое число?»

«Неважно, этот вопрос может подождать. Могу вас заверить, у меня есть все основания для того, чтобы не разглашать информацию. Фирма „Марлэ и Ангер“ – безжалостный и недобросовестный конкурент. Они дошли до того, что нанимают шпииков, чтобы те у меня все вынюхивали – представляете себе? Они способны нанести подлый удар ниже пояса. Кстати... Флора! Соедини меня с конторой Вестгеллера!»

Эчеверри задумчиво почесал кончик носа.

Прошло несколько секунд. На экране появилось личико Флоры: «Господина Вестгеллера сегодня не было в его управлении».

Фарреро повернулся к Джону Эчеверри: «Привычка, приобретенная на ранних этапах деловой карьеры. Максимальная осторожность! Должна быть предусмотрена любая случайность! Тогда это было необходимо. Теперь, наконец, я могу успокоиться».

Эчеверри деликатно разглядывал носки ботинок: «Прежде чем мы продолжим, могу ли я взглянуть на вашу лицензию строительного подрядчика?»

«У меня нет такой лицензии».

«Как же так? Вы строите незаконно?»

«Ничего подобного».

Эчеверри поджал губы: «Будьте добры, объясните».

Фарреро задумчиво смотрел в окно: «Почему нет? У вас есть свободное время?»

«Что вы имеете в виду?»

«Свободное время – в данный момент».

«Как вам сказать... В данный момент у меня нет никаких срочных дел».

«Если вы согласитесь провести со мной несколько часов, я смогу не только объяснить ситуацию – я смогу продемонстрировать свои методы».

«Хорошо! – Эчеверри поднялся на ноги. – Должен признаться, вы возбудили у меня любопытство».

Фарреро подозвал такси. «На окружной космодром», – сказал он водителю.

Когда они прибыли на космодром, Фарреро провел Джона Эчеверри к небольшому космическому кораблю: «Залезайте!» Фарреро поднялся в кабину вслед за сторбленной долговязой фигурой клиента.

Эчеверри осторожно устроился на мягком сиденье: «Если у вас нет лицензии строителя, надеюсь, у вас есть хотя бы удостоверение пилота».

«Есть. Можете его проверить. Оно под кондиционером воздуха».

«Поверю вам на слово».

Они взлетели над обожженным полем – на сто пятьдесят, на триста километров – Земля превратилась в смутное полушарие за бортом. Полторы тысячи, восемь тысяч, пятнадцать тысяч километров – дальше, больше – тридцать, пятьдесят тысяч километров... Фарреро стал внимательно следить за экраном радара: «Где-то здесь, уже скоро». Появилось желто-зеленое пятнышко: «Вот он!» Корабль повернул в новом направлении. Через минуту Фарреро сказал: «Внизу, чуть слева – видите?»

Вытянув тощую шею, Эчеверри заметил небольшой астероид неправильной формы, примерно полтора километра в диаметре. Фарреро осторожно опустил корабль, мягко прикоснувшись к площадке, усыпанной белым песком.

Эчеверри схватил Фарреро за руку: «Вы с ума сошли? Не открывайте люк! Мы в космосе!»

Фарреро покачал головой: «Там воздух, давление – 1,3 атмосферы, двадцать процентов кислорода. Взгляните на барометр».

Эчеверри молча наблюдал за тем, как Фарреро открыл люк и выпрыгнул наружу. Эчеверри последовал за ним: «Но... откуда здесь сила тяжести?»

Фарреро взобрался на вершину маленького холмика и махнул рукой, подзывая клиента: «Поднимайтесь сюда!»

Эчеверри медленно прошел вверх по склону.

«Это поместье Вестгеллера, – сказал Фарреро. – Его частный мир. Смотрите, вот его дом».

Дом Вестгеллера стоял на обширном ровном поле, покрытом изумрудно-зеленой травой. В солнечных лучах блестело озеро; в тростниках ловил рыбу белый аист. Равнину окаймляли деревья; Эчеверри услышал крики летевших вдалеке птиц.

В деревянном доме – продолговатом одноэтажном сооружении – было множество окон, и под каждым окном висел ящик с цветущими геранями. У плавательного бассейна были расставлены яркие, как огромные цветы, пляжные зонты.

Фарреро присмотрелся, прищурился: «Вестгеллер дома, я вижу его космическую яхту. Не желаете ли к нему зайти? Поболтать со старым приятелем о том, о сем? Как вы думаете, господин Эчеверри?»

Эчеверри тревожно покосился на Фарреро и медленно произнес: «Возможно, будет лучше, если мы...»

Фарреро рассмеялся: «Не оправдывайтесь. Это бесполезно. Вы, наверное, не знаете, что я умею читать по губам. Я был глух, как пень, пока мне не исполнилось десять лет. Когда физиономия Вестгеллера появилась на моем экране, его голос говорил: „Мой старый приятель, Джон Эчеверри, хотел бы построить усадьбу, и я порекомендовал ему к вам зайти“. Но его губы говорили: „Господин Анкер! Я решил не поручать вашей фирме дальнейшее осуществление моего проекта“. Я сразу понял, что дело нечисто. И я даже знаю, кто меня пытается надуть – мошенник по имени Марлэ».

Тощий верзила снова взглянул на Фарреро краем глаза. Понимая, что у него не осталось другого выхода, он признался: «Да, я – Марлэ. У вас впечатляющее предприятие».

«Я делаю деньги», – сказал Фарреро.

Марлэ обозревал игрушечный мир: «Вы не только их делаете – вы их тратите». Он топнул ногой по вершине холмика: «Вам удалось меня удивить. Как вы справились с проблемой притяжения? Почему воздух не улетучивается? Возникает впечатление, что мой вес не изменился по сравнению с земным».

«Здесь вы немного легче, чем на Земле. Местная сила притяжения на три процента слабее».

«Тем не менее... – Марлэ повернулся к одному горизонту, к другому, подсчитал в уме. – Диаметр этого астероида – примерно восемьсот метров, а диаметр Земли – восемь тысяч километров. При этом сила притяжения почти одинаковая. Как это может быть?»

«Прежде всего, – сказал Фарреро, – учитывайте, что здесь вы гораздо ближе к центру притяжения – на четыре тысячи километров ближе».

Марлэ нагнулся и сорвал травинку, с любопытством рассмотрел ее.

«Здесь все новое! – похвалился Фарреро. – Деревья привез, приложив значительные усилия с моей помощью, Линдвист – датский эколог. Он подсчитывает, сколько пчел потребуется для опыления цветов, сколько дождевых червей – для разрыхления почвы, сколько деревьев – для насыщения воздуха кислородом».

Марлэ кивнул: «Весьма привлекательный проект».

«Через двадцать лет на Земле не будет жить ни один миллионер, – продолжал Фарреро. – Каждому из них я продам частный планетоид. Кое-кто из них желает заполучить очень большие угодья. Я могу доставить им такое удовольствие».

«Кстати, где вы нашли этот астероид?»

«Далеко, в космосе».

Марлэ снова многозначительно кивнул: «Фирма „Марлэ и Ангер“ тоже найдет в космосе такие астероиды, их много».

Фарреро медленно повернулся к нему. Марлэ безмятежно встретился с ним глазами.

«Так вы думаете, что сможете со мной конкурировать?»

«Конечно. Почему нет?»

«Вы надеетесь, – задумчиво продолжал Фарреро, – сделать деньги за счет моей идеи. У вас есть все необходимое оборудование и специалисты, которые помогут вам снимать сливки. Может быть, вам удастся даже протолкнуть закон, запрещающий лицам без лицензии заниматься таким бизнесом».

«Было бы глупо не воспользоваться такой возможностью».

«Может быть, вы правы. А может быть и нет. Не желаете ли взглянуть на еще один мой проект? Здесь усадьба Вестгеллера. Позвольте показать вам поместье Депплэйна».

Они вернулись в космический корабль. Фарреро закрыл люк и включил реактивные двигатели. Мир Вестгеллера словно провалился за кормой.

Через полчаса они прибыли к планетоиду Депплэйна.

«В конечном счете. – говорил Фарреро, – космическое пространство вокруг Земли будет буквально облеплено такими маленькими поместьями. Будут проведены законы, предписывающие те или иные орбиты и минимальные расстояния между астероидами». Он прикоснулся к приборам управления; корабль проплыл по небу мира Депплэйна и опустился на плоское скальное обнажение.

Марлэ открыл люк и опустил на камень длинные тощие ноги. «Фф! – выдохнул он. – Депплэйн собирается выращивать орхидеи? Здесь влажно, как в тропиках».

Фарреро ухмыльнулся и расстегнул куртку: «Он еще не вселился. У нас возникли кое-какие проблемы с атмосферой. Депплэйн желает, чтобы у него были облака, и мы экспериментируем с влажностью, – Фарреро взглянул вверх. – Устроить дымку в верхних слоях нетрудно. Но Депплэйн хочет видеть большие кучевые облака. Мы еще попробуем. Лично я не думаю, что для этого здесь достаточный объем воздуха».

Марлэ тоже взглянул на небо, где большим ярким полумесяцем висела Земля, и нервно облизал губы.

Фарреро рассмеялся: «Глядя на Землю с такого расстояния, человек чувствует себя беззащитным, не правда ли?» Он обозревал мир с причудливо близкими горизонтами – казалось, сильно брошенный камень мог скрыться из виду – после чего снова поднял глаза к небосклону, к полумесяцу Земли с сопровождающим его маленьким серпом Луны. «Да! – сказал он. – Здесь красотой, величием, великолепием – называйте это, как хотите – можно любоваться в любую минуту».

Марлэ осторожно присел на каменный выступ: «Экзотический вид, бесспорно».

«Депплэйн – человек с экзотическими вкусами, – отозвался Фарреро. – Но у него есть деньги, и, если ему захочется, чтобы скалы были обиты кроликовым мехом, это будет сделано». Фарреро присел рядом с Марлэ и указал на рощицу низкорослых деревьев: «Там его имитация луизианской старицы. Флора импортирована из Африки и Мату-Гросу. Фауна – из разных мест; у него есть даже редчайший тасманийский ибис. Мох еще не принялся как следует, и аутентичного аромата в воздухе еще нет, но со временем все это будет. Там, дальше – джунгли, точнее – заболоченные джунгли, со множеством проток. Когда начнется цветение, там будет очень приятно кататься на лодке».

«Индивидуальные миры, удовлетворяющие любые прихоти, доступные воображению», – пробормотал Марлэ.

«Совершенно верно! – кивнул Фарреро. – Наш самый большой мир, примерно пятнадцать километров в диаметре, мы продали канадскому яхтсмену».

«Фреду Эйблману, – сухо отозвался Марлэ. – Он расторгнул наш контракт два месяца тому назад».

«Я хотел зарезервировать этот планетоид для главного управления „Лиги надежды“, но они отказались покрыть расходы. Идеалисты не любят расставаться со своими собственными деньгами».

«Насколько я помню, вы придерживались других принципов, когда работали на фирму „Марлэ и Ангер“».

«Так оно и было. Но обстоятельства изменились – и мне пришлось изменить свои взгляды. Распоряжаться чужими деньгами очень легко. Это одна из самых роскошных привилегий государственного чиновника – когда он тратит деньги налогоплательщиков, его щедрость не знает границ. Как бы то ни было, Фред Эйблман хочет, чтобы весь его мир был океаном, чтобы свежий ветер постоянно надувал его паруса. Он хочет также, чтобы в океане были разбросаны острова с пляжами, коралловыми рифами и многочисленными стайками колоритных рыб».

«Без кокосовых пальм дело не обойдется, я полагаю».

«Разумеется! Но никаких акул! Мы сможем закончить работы в его мире только через полтора года. Это тяжелый, неповоротливый планетоид – его трудно переместить ближе к Земле и вывести на орбиту. Кроме того, потребуется очень большое количество воды».

«Где вы возьмете воду? Вы не можете перевозить ее с Земли».

Фарреро покачал головой: «Мы разрабатываем ледники Гиппарха. Каждый раз, когда Луна оказывается в ближайшем положении, мы разгоняем к миру Эйблмана несколько огромных кусков льда. Это медленный, но верный процесс. Опять же, он дорого обходится, но Эйблману некуда девать деньги. Кроме того, какое капиталовложение служит лучшей цели, чем создание приятного мира?»

Марлэ поджал губы: «Надо полагать, некоторые заказчики предъявляют вам странные требования».

«Человек по имени Кленко сколотил состояние на пошиве и сбыте модной одежды. Это он несет ответственность за вихреобразные безобразия, которые женщины носили на голове пару лет тому назад. Странному человеку – странный мир. У него свободно летают в воздухе, высоко и низко, тысячи десятиметровых стеклянных шаров. Всюду стеклянные шары – топазовые, синие, красные, фиолетовые, зеленые. У него светящийся лес – сок всех растений содержит люминесцентные пигменты. Когда он освещает лес ультрафиолетовыми прожекторами, мерцает листва – серебристая, бледно-зеленая, оранжевая. Мы построили для него большой павильон, нависший над озером. В озере – светящиеся рыбы».

«Значит, он предпочитает ночной образ жизни».

«Он хочет, чтобы у него была вечная ночь. Когда мы выведем этот планетоид на окончательную орбиту, он не будет вращаться вокруг своей оси. Кленко намерен устраивать там довольно-таки необычные развлечения».

Марлэ пожал плечами: «Если человек владеет миром, он устанавливает в нем свои законы».

«Таковы, по меньшей мере, представления Кленко».

«Ну хорошо. Как же, все-таки, вы решили проблему с притяжением? Никто еще не нашел способ создавать искусственную гравитацию».

«Верно», – кивнул Фарреро.

«Что ж – какова бы ни была ваша система, думаю, что фирма „Марлэ и Ангер“ тоже сможет ее применять».

«Могла бы применять, – сказал Фарреро. – Но фирма „Марлэ и Ангер“ опоздала, поезд ушел. Не то, чтобы я стремился обязательно довести вашу компанию до банкротства – скорее всего, я не смогу это сделать. Всегда найдутся осторожные и старомодные заказчики, желаю».

щие строить дома класса III на Земле. Но я еще долго буду снимать сливки на рынке сбыта частных миров».

Марлэ покачал головой, в глубине его глаз снова появилась искорка: «Вы не совсем уяснили себе сущность дела, друг мой. Мы не намерены плестись в хвосте. У нас есть связи, оборудование, персонал. Мы можем перемещать астероиды с меньшими затратами и брать за работу меньше, переманивая ваших заказчиков всеми возможными способами. Мы готовы даже терпеть потери некоторое время. Независимо от того, как вы решили проблему с силой притяжения, наши инженеры смогут создать такие же условия».

«Дражайший господин Марлэ, – отозвался Фарреро. – Неужели вы думаете, что я оставил бы лазейку для вас и других бандитов? Вам известен закон о заявках на космические разработки?»

«Разумеется. Он определяет порядок горной выработки астероидов и получения лицензий на производство таких работ».

«В соответствии с этим законом, я зарегистрировал заявки и права на разработку тысячи ста тридцати двух астероидов – весьма необычных астероидов, прошу заметить. Обратите внимание на черный камешек рядом с вашей правой ступней – блестящий, как кремний. Поднимите его».

Марлэ нагнулся, взялся за камешек, напрягся. Его рот удивленно pokrивился. Он снова потянул к себе камешек – его тощие старые руки задрожали, суставы потрескивали. Взглянув на Фарреро, Марлэ сказал: «Он приклеен!»

«Насколько мне известно, он весит несколько тонн, – объяснил Фарреро. – Это звездное вещество. Даже небольшой его кусочек обладает существенной силой притяжения. Так или иначе, тысяча сто тридцать два астероида, состоящих в основном из звездного вещества, оказались на орбите вокруг Солнца – и не так уж далеко от Земли. Это небольшие, темные космические тела, недостаточно массивные для того, чтобы вызывать заметные гравитационные возмущения. Но когда вы стоите на поверхности такого астероида, центр притяжения достаточно близок для того, чтобы ваш вес приближался к земному. Я зарегистрировал все эти обломки мертвых звезд – все до единого. Некоторые мне придется объединить, чтобы создать достаточную массу, в других случаях потребуется нарастить каменную кору, чтобы увеличить радиус и тем самым уменьшить силу притяжения». Фарреро открыл люк и жестом пригласил Марлэ забраться в корабль: «Я знаю, где вы могли бы добыть сколько угодно такой сверхтяжелой материи».

Марлэ молча залез в кабину корабля и взглянул на Фарреро горящими глазами: «Где?»

Фарреро закрыл люк, потянул на себя рычаг дросселя, и мир Депплэйна провалился в пространство за кормой: «На вашем месте я в первую очередь произвел бы разведку в системе Альфы Центавра. Не сомневаюсь, что там тоже летает всевозможный космический мусор. И вполне может быть – если вам повезет – что он достаточно остыл».

«Шутки в сторону! – сказал Марлэ. – Вернемся на Землю. Мне предстоит долгий разговор с Ангкером. Надо полагать, вы не хотите снова работать на нас, даже если вам повысят заработную плату?»

«Нет»

«Я так и думал».

Через десять минут Марлэ вынул чековую книжку, выписал чек и передал его Фарреро: «Предварительный взнос в размере пятисот тысяч – за один из ваших миров, примерно такой, как у Вестгеллера. Было бы глупо не занять место в поезде, который потом уже не догонишь».

ДЕСЯТЬ КНИГ

Они остались одни – настолько одни, насколько это возможно для живых людей посреди черной межзвездной пустоты. Далеко за кормой мерцали солнца околоземных миров, впереди – чужие звезды и тусклые призрачные облачка галактик.

В кабине было тихо. Бетти Велстед сидела, наблюдая за мужем. Ральф сгорбился над аналитическим столом, и она переживала за него. Когда шкала центрифуги показала наличие тяжелого металла, Велстед нагнулся еще ниже, и Бетти тоже наклонилась вперед, движимая бессознательной симпатией. Когда он поджег крошки руды в пробирной чашке спектроскопа, заметил, что самая яркая полоса спектра соответствовала свинцу, и закусил губу, Бетти, затаившая дыхание, выдохнула и откинулась на спинку сиденья.

Ральф Велстед встал – человек среднего роста, очевидно выносливый, привыкший много и тяжело работать; его волосы, кожа и глаза были одного и того же рыжеватого-коричневого оттенка. Бетти следила за его движениями – он смахнул целую грудку образцов руды в мусорный желоб.

«Если бы этот астероид был в Солнечной системе, – угрюмо произнес Велстед, – мы стали бы миллионерами. А здесь, если в нем нет жилы платины или урана, нет смысла его вырабатывать».

Бетти затронула тему, уже два месяца занимавшую ее мысли: «Может быть, пора повернуть назад?»

Велстед нахмурился и зашел под прозрачный смотровой купол. Бетти тревожно наблюдала за ним: она понимала, что их завел так далеко не столько поиск минералов, сколько исследовательский азарт.

Велстед вернулся в кабину. «Впереди звезда, – он ткнул пальцем в трехмерную карту, – вот эта. Проверим наскоро ее систему, а потом уже начнем возвращаться».

Бетти обрадованно кивнула: «Меня это устраивает». Она вскочила, и они вместе подошли к экрану. Ральф навел на звезду прицельный вортекс и отрегулировал его – смутная, быстро вращающаяся спираль стабилизировалась, и на экране загорелся, как раскаленная добела монета, диск неизвестного солнца. Звезду сопровождала единственная планета.

«Размером с Землю», – с любопытством заметил Велстед; у Бетти екнуло сердце. Ральф покрутил ручки тонкой настройки, увеличил изображение – и планета словно бросилась навстречу звездолету: «Взгляни на атмосферу! Она плотная!»

Ральф повернул сочлененный манипулятор с термопарой на конце, и они оба склонились над индикатором: «Девятнадцать градусов по шкале Цельсия. Примерно как на Земле. Проверим еще раз атмосферу. Знаешь ли, дорогая, вполне может быть, что мы нашли нечто потрясающее! Планета земного типа, температура в пределах земной нормы...» Его слова превратились в неразборчивое бормотание – он смотрел на экран спектроскопа, изучая один за другим результаты анализа отраженного планетой света. Снова поднявшись на ноги, он бросил на Бетти быстрый торжествующий взгляд, но вдруг о чем-то задумался и прищурился: «Прежде чем праздновать, нужно убедиться в том, что мы не ошиблись».

Бетти не чувствовала праздничного волнения. Она молчала, пока Ральф перелистывал страницы каталога.

«Ура! – закричал Велстед, радостно прыгая, как маленький мальчик. – Планета не зарегистрирована! Она наша!» И у Бетти душа ушла в пятки. Открытие означало бесконечные задержки – пройдут месяцы, прежде чем Ральф изучит планету, составит карты океанов и континентов, разберется в составе флоры и фауны. В то же время она в какой-то мере заразилась энтузиазмом мужа, в ее голове загорелась искра интереса, уже заставлявшая отступить сумрак уныния.

«Мы назовем ее „Велстед“... – говорил Ральф. – Нет-нет! Мы назовем ее „Элизабет“, в твою честь. У нас будет собственная планета! В один прекрасный день там будут города, там будут жить миллионы людей. И каждый раз, когда кто-нибудь будет писать письмо, когда там построят дом, когда там приземлится звездолет – все будут упоминать твое имя».

«Нет уж, дорогой! – возразила Бетти. – Не говори глупости. Мы назовем планету „Велстед“, в честь нас обоих».

Позже оба они почувствовали острый укол разочарования, когда обнаружили, что планета уже населена – и населена людьми.

Но оказанный им прием поразил их не меньше, чем само открытие планеты и ее обитателей. Можно было ожидать чего угодно – любопытства, враждебности...

Супруги Велстед не спешили приземляться, предпочитая оставаться на орбите чуть выше атмосферы, чтобы предварительно изучить этот мир и его население.

Мир выглядел приятным, даже радостным. Там были всевозможные леса, джунгли, саванны. Солнечные реки струились по зеленым лугам. Блестели тысячи голубых озер и три синих океана. На дальнем севере и на крайнем юге слепили белизной снежные просторы. Редкие города этой малонаселенной планеты было трудно найти – они почти неразличимо сливались с ландшафтом.

Просторные города без высотных домов, полускрытые под покровом зеленой листвы – совсем не такие, как скученные человеческие ульи Земли – выглядели с орбиты подобно резным орнаментам из алебаstra или чудесным огромным снежинкам. Бетти, склонная к романтическим переживаниям, была очарована: «Они кажутся райскими селениями, порождениями мечты!»

«При этом их цивилизация очевидно не примитивна, – задумчиво сказал Ральф Велстед. – Видишь группу продолговатых серых зданий на окраине? Это фабрики».

Бетти сомневалась – и ее сомнения постепенно выразились в словах: «Ты думаешь, им может не понравиться, если мы там приземлимся? Если они приложили много усилий для того, чтобы об их планете – об их Утопии – никто не знал, может быть, они не хотят, чтобы их обнаружили?»

Ральф повернулся к жене и серьезно посмотрел ей в глаза: «Ты хочешь приземлиться или нет?»

«Конечно, хочу – если ты не против. Если ты не считаешь, что это опасно».

«Я не знаю, опасно ли это. Но возникает впечатление, что просвещенные люди, построившие такие города, вряд ли станут наносить вред чужеземцам».

Бетти разглядывала планету: «Думаю, ничего плохого с нами не случится».

Ральф рассмеялся: «Придется рискнуть! Все мы когда-нибудь умрем, так или иначе. Почему не сегодня и не здесь?»

Он бросился к пульту управления, и корабль стал опускаться к поверхности: «Сядем прямо у них перед носом, в центре большого города».

Бетти вопросительно взглянула на мужа.

«Какой смысл прятаться в дикой, безлюдной местности? – пояснил свои действия Ральф Велстед. – Если уж знакомиться, то лучше представиться во всей красе».

«А если они сочтут это непозволительной дерзостью и расстреляют нас на месте?»

«От судьбы не уйдешь».

Звездолет опустился в парке, точно в центре города. Наблюдая за происходящим из-под смотрового купола, Велстед заметил, что к кораблю спешили группы людей.

«Подойди к люку, Бетти. Приоткрой его чуть-чуть и покажись им. Я останусь у пульта управления. Как только тебе что-нибудь не понравится – даже если в корабль швырнут дохлую кошку – мы улетим обратно в космос так быстро, что они не успеют запомнить наш визит».

Звездолет окружили тысячи мужчин и женщин всех возрастов; все они возбужденно кричали, охваченные какими-то сильными чувствами.

«Они кидают цветы!» – ахнула Бетти. Она открыла люк и стояла в проеме, а люди внизу кричали, пели, рыдали. Смущенная эмоциональной реакцией толпы, Бетти улыбалась и приветственно помахивала рукой. Повернувшись к Ральфу, она сказала: «Не знаю, чем мы заслужили такой прием, но мы здесь – герои. Может быть, они нас с кем-то спутали».

Вытянув шею, Ральф Велстед рассматривал толпу из-под купола: «Они выглядят нормальными, здоровыми людьми».

«Тут все красивые, – заметила Бетти. – Все!»

Толпа расступилась – приближалась небольшая группа пожилых мужчин и женщин. Их предводитель выступил вперед – высокий, статный седой старик с лицом Иеговы на фреске Микеланджело.

«Добро пожаловать! – звучно воскликнул он. – Народ Приюта вас приветствует!»

Бетти удивленно уставилась на патриарха, Ральф спустился из-под купола и подошел к открытому люку. Слова приветствия отличались странным, архаическим выговором – но это был язык Земли.

Высокий седой человек продолжал говорить, не задумываясь – будто произносил давно заученную речь: «Двести семьдесят один год мы ждали вашего прибытия, ждали избавления!»

Избавления? Это слово заставило Велстеда задуматься. «Не вижу, от чего их нужно было бы избавлять? – пробормотал он на ухо жене. – Солнце светит, деревья цветут, все выглядят сытыми и довольными – и энтузиазма у них гораздо больше, чем у меня. От чего они хотят избавиться?»

Бетти уже спускалась по лестнице, и Ральф последовал за ней.

«Благодарим вас за приветствие! – сказал Велстед, стараясь не выглядеть, как напыщенный политический деятель. – Мы счастливы с вами встретиться. Это замечательное – и неожиданное – событие, мы не ожидали столь радушного приема на вашей планете».

Седой старик серьезно поклонился: «Вполне естественно, что вы испытываете любопытство – нас тоже интересует состояние цивилизации во Вселенной. Но в данный момент мы хотели бы услышать ответ на один вопрос. Как идут дела на Земле?»

Ральф нервно потирал подбородок – на него смотрели тысячи глаз; наступило гробовое молчание.

«На Земле, – сказал он, – дела идут примерно, как обычно. Времена года сменяют друг друга, в одних местах идут дожди, в других светит солнце, кое-где наступают морозы, дуют ветры». Обитатели Приюта благоговейно впитывали каждое слово – так, как если бы он декламировал величественную поэму. «Земля – все еще в центре скопления обитаемых систем, на ней живет больше людей, чем когда-либо. Стало больше шума, стало теснее...»

«Войны? Новые правительства? Насколько продвинулись научные достижения?»

Велстед задумался: «Войны? Никаких особенных войн не было с тех пор, как распалась Иератическая Лига. Правительство все еще управляет, пользуясь большим количеством статистического оборудования. Взятки, хищения, грабежи, бессмысленные затраты времени и денег – все это по-прежнему существует, если вас интересуют такие вещи.

Наука? Это сложный вопрос. Мы многое знаем, но не знаем еще больше – так было всегда. Принимая во внимание все обстоятельства, в общем и в целом дела на Земле идут так, как они шли испокон веков – есть много хорошего и много плохого».

Он помолчал – затаившие дыхание слушатели одновременно выдохнули. Седой старик снова кивнул – серьезно, трезво – хотя он очевидно тоже был охвачен возбуждением соплеменников: «Пока что этого достаточно! Вы, наверное, устали, и у нас еще будет время поговорить. Могу ли я предложить вам гостеприимство моего дома?»

Ральф неуверенно взглянул на Бетти. Инстинкт подсказывал не покидать корабль.

«Или, если вы предпочитаете оставаться на борту...» – предположил старейшина.

«Нет-нет, – сказал Ральф. – Мы с удовольствием у вас остановимся». Если местные жители намеревались нанести Велстедам ущерб – что представлялось исключительно маловероятным – пребывание на борту звездолета никак не могло бы предотвратить такой поворот событий. Вытянув шею, Ральф смотрел по сторонам, ожидая появления высокомерных и нахальных должностных лиц – на Земле таковые непременно заявили бы о себе: «Не должны ли мы перед кем-нибудь отчитаться? Надеюсь, мы не нарушили какой-нибудь закон, приземлившись в парке?»

Седой старик рассмеялся: «Что за вопрос! Меня зовут Александр Клэй, я – мэр города Митилены и Путеводитель. Мои полномочия и всеобщая воля населения позволяют вам безвозмездно пользоваться всем, что может предложить наша планета. Ваш звездолет никто не тронет».

Он отвел их к широкому экипажу – при этом Бетти чувствовала себя чрезвычайно неудобно в мятых шортах, выглядевших неопрятно по сравнению с разноцветными туниками окружающих женщин.

Ральф Велстед заинтересовался экипажем – он позволял оценить уровень технологии, достигнутый на Приюте. Изготовленная из блестящего серого металла, машина повисла сантиметрах в тридцати над землей – колес у нее не было. Ральф с удивлением взглянул на Клэя: «Антигравитация? Если так, земляне готовы будут заплатить сокровища за ваше изобретение».

Клэй добродушно покачал головой: «Магнитные поля, отталкивающие от металла в дорожном покрытии. Разве это не делается повсеместно на Земле?»

«Нет, – ответил Ральф. – Теоретически, конечно, эффект общеизвестен, но у нас, чтобы устроить такую систему, пришлось бы раскапывать слишком много дорог, а это вызвало бы бесконечные возражения. Мы все еще пользуемся колесами».

«Традиция – огромная сила, – задумчиво произнес Клэй. – Непрерывность, формирующая культуру рас. Поток, русло которого мы давно потеряли...»

Велстед покосился на старейшину. Клэй говорил совершенно серьезно.

Экипаж довольно быстро скользил над дорогой – с обеих сторон открывались мирные пейзажи чудесной красоты. В любом направлении можно было заметить ту или иную новую очаровательную достопримечательность: поляну, окруженную огромными деревьями, уютный деревянный дом, группу общественных зданий вокруг площади, вереницу разноцветных лавок на террасе, за деревьями, посаженными в шахматном порядке.

Время от времени попадались драматические виды – например, обелиск в конце широкого проспекта. Этот монумент из бетона, бронзы и черного металла возвышался на семьдесят метров; на его вершине стояла героическая статуя человека, протянувшего к небу руку таким жестом, словно он пытался поймать звезду.

Ральф Велстед вертел головой, как заправский турист: «Великолепно!»

Клэй согласился, но без энтузиазма: «Надо полагать, нашим достижениям можно отдать должное. Для вас, конечно, только что расставшихся с цивилизованными мирами...» Он не закончил фразу: «Прошу прощения, я позвоню домой». Старейшина приложил к уху телефон.

Бетти прошептала Ральфу на ухо: «Любой планировщик на Земле отдал бы душу дьяволу за возможность построить такой город».

Велстед хмыкнул. «Помнишь Халлека? – пробормотал он в ответ. – Он был городским планировщиком. Хотел снести в Ланчестере трущобы на участке площадью два с половиной квадратных километра – в основном восемнадцатизэтажные дома с душевыми трехкомнатными квартирами. Сначала на него накинута торговцы недвижимостью, обзывая его „хаотистом“. Среди его приятелей и знакомых распустили слухи о его нравственном разложении. Несчаст-

ные арендаторы квартир хотели его линчевать, потому что им грозило выселение. Правоверные старообрядцы исключили его из партии – им принадлежало большинство голосов в округе. Так что трущобы остались на прежнем месте, а Халлек продает сельскохозяйственные инструменты на Пятой планете Арктура».

Бетти смотрела на мелькающие мимо деревья: «Может быть, Приют послужит примером для всех околоземных планет».

Ральф пожал плечами: «Может быть. А может быть и нет. Запнутое мирное существование невозможно продемонстрировать миллионам людей – в таком случае, по определению, запнутого мирного существования больше не будет».

Бетти слегка выпрямилась на сиденье: «Единственный способ убедить сомневающихся – продемонстрировать возможность. Если бы арендаторы квартир в Ланчестере увидели этот город, неужели они вернулись бы в трехкомнатные трущобы, никак не желая изменить условия своего существования?»

«Если бы они увидели этот город, – откликнулся Ральф, – они никогда не покинули бы Приют. Как-нибудь, правдами или неправдами, не мытьем так катаньем, они эмигрировали бы сюда».

«И я хотела бы оказаться в первой волне эмиграции!» – убежденно заявила Бетти.

Экипаж повернул в образованный кронами деревьев туннель, пересек аккуратно подстриженный ярко-зеленый газон и остановился у дома, построенного из темного плотного дерева. Под крышей с четырьмя высокими коньками тянулась терраса, а на террасе в естественном русле журчал ручей. Дом выглядел просторным и удобным – примерно так, как выглядели лучшие сельские виллы на Земле и на озелененных планетах – но не производил впечатления чего-то нарочно придуманного, натянутого, театрального.

«Вот мой дом», – сказал Клэй. Он отодвинул дверь из навощенного светлого дерева и пригласил гостей в прихожую, усланную циновкой из плетеного ротанга, с обшивкой стен из ткани, расцветка которой вторила окружающему лесному пейзажу. Под стеной с картиной в раме тянулась длинная скамья из блестящего темного дерева. Откуда-то, из незаметного источника, помещение озарялось потоком света, наполнявшего пространство, как скрытая подсветка – воду в аквариуме.

«Одну минуту! – с некоторым смущением пробормотал Клэй. – Мое скромное жилище достаточно убого и без того, чтобы показывать его в неприбранном виде». Старейшина говорил искренне, его слова не были условным самоуничижением, предписанным традицией.

Клэй повернулся было, чтобы уйти, но задержался и снова обратился к слегка недоумевающим Ральфу и Бетти: «Вынужден извиниться за нашу отсталость – у нас нет никаких особых помещений для почетных гостей, роскошных отелей, посольств или залов для торжественных приемов, придающих достоинство встречам на Земле. Гостеприимство в моем доме – все, что я могу предложить».

Супруги Велстед принялись одновременно протестовать: «Мы не заслуживаем даже того, что вы для нас делаете. В конце концов, мы – всего лишь пара пролетающих мимо старателей».

Клэй улыбнулся – заметно было, что их слова его в какой-то мере успокоили: «Вы – звено, связывающее Приют с цивилизацией, важнейшие гости из всех, кого нам приходилось принимать. Прошу прощения, я скоро вернусь». Он вышел.

Бетти подошла к картине, висевшей на стене – простому пейзажу, изображавшему склон холма, несколько деревьев и далекую горную гряду. Ральф, испытывавший интерес скорее к технике, нежели к живописи, искал источник освещения – но его поиски не увенчались успехом. Он присоединился к Бетти, продолжавшей разглядывать картину. Та прошептала: «Это, это... боюсь даже сказать! Это шедевр».

Ральф Велстед прищурился, стараясь понять, чем объяснялось трепетное почтение его супруги. Действительно, картина притягивала взор и словно окружала того, кто на нее смотрел, пейзажем, вызывавшим приятное волнение, ощущение теплоты и безмятежности.

Вернувшись, Клэй заметил интерес супругов: «Что вы думаете об этой картине?»

«Думаю, что она... мастерски исполнена», – Бетти не находила слов, позволявших выразить восхищение пейзажем и в то же время звучащих непритворно.

Клэй скорбно покачал головой и отвернулся: «Нет необходимости высказывать похвалы просто из вежливости, госпожа Велстед. Мы сознаем свои недостатки. Вы видели произведения Джотто, Рембрандта, Сезанна. По сравнению с ними эта картина, скорее всего, кажется вам безделицей».

Бетти начала было возражать, но остановилась. Ее слова очевидно не убедили бы Клэя – или, возможно, принятые на Приюте общественные условности побуждали его преуменьшать достоинства работ местных мастеров, а в таком случае энергичные протесты могли бы показаться невежливыми.

«Ваши комнаты скоро приготовят, – сказал Клэй. – Кроме того, я заказал для вас новую одежду, потому что вам, как я вижу, нечем было заменить ту, в которой вы провели долгий путь».

Бетти застенчиво покраснела и поправила голубые шорты. Ральф тоже слегка порозовел, взглянув на свою потертую куртку. Он вынул из кармана кусочек щебня: «С астероида, где я проводил разведку несколько недель тому назад». Он повертел камешек в пальцах: «Ничего я там не нашел, кроме гранита с включениями граната».

Клэй взял маленький обломок камня и рассмотрел его с необычным почтением: «Не могу ли я оставить этот образец у себя?»

«Разумеется, почему нет?»

Клэй положил камешек на серебряное блюдо: «Вам, наверное, не совсем понятно, что этот маленький камень символизирует для нас, людей Приюта. Межзвездные полеты были нашей целью, нашей мечтой в течение двухсот семидесяти одного года».

И снова Клэй упомянул о периоде продолжительностью в двести семьдесят один год! Ральф Велстед подсчитал в уме. По всей видимости, соплеменники Клэя прибыли на Приют в эпоху Великих Блужданий, вскоре после изобретения гиперпространственного двигателя, когда люди разлетелись по Галактике, как пчелы по усеянному цветами полю, и человеческая цивилизация разгорелась в пространстве, как сверхновая звезда.

Клэй провел их в большой зал – в целом простой, но искусно отделанный в деталях. Не обладая достаточными критическими навыками, с первого взгляда Ральф Велстед не сумел различить подробности. Он почувствовал лишь общую атмосферу рыжевато-коричневых, мягко-голубых и водянисто-зеленых тонов дерева, тканей, стекла и керамики – все эти оттенки чудесно сочетались с блеском навощенного темно-коричневого дерева. В конце продолговатого помещения на широком застекленном пюпитре стояли десять больших книг в черных кожаных переплетах. Пюпитр чем-то напоминал алтарь, а установленным на нем книгам, по-видимому, придавалось особое значение, как своего рода иконам.

Они повернули в боковой проход и оказались на дорожке между невысокими деревьями – в саду, пестрящем цветами и ручными птицами. Клэй провел гостей в пристройку из нескольких комнат с окнами, выходившими в сад; из окон струились потоки солнечного света.

«Через эту дверь, – указал Клэй, – вы можете пройти в ванную. Новую одежду уже разложили на постели. Когда вы отдохнете, я буду в главном зале. Ни о чем не беспокойтесь – будьте, как дома».

Велстеды остались одни. Бетти радостно вздохнула и опустилась на постель: «Чудесно, правда?»

«Странно все это!» – заметил Ральф, остановившись посреди комнаты.

«Что странно?»

«Главным образом меня удивляет то, что эти люди, очевидно одаренные и умелые, ведут себя так смиренно, будто нарочно умаляют собственное достоинство».

«Они выглядят достаточно уверенными в себе».

«Да, они уверены в себе. Но как только упоминается Земля, они ведут себя так, словно ты вспомнил об Алакланде среди изгнанников-лаков. Земля для них – святыня».

Бетти пожала плечами и стала переодеваться: «Наверное, всему этому есть простое объяснение. В данный момент я устала от догадок. Пойду мыться. Вода, вода, вода! Фонтаны и водопады!»

Они нашли Клэя в большом продолговатом зале, в компании его добродушной супруги и четырех младших детей, каковых старейшина церемонно представил гостям.

Ральф и Бетти уселись на диван, и Клэй налил им бледного желтовато-зеленого вина в маленькие фарфоровые пиалы, после чего сам присел в кресло напротив: «Прежде всего позвольте мне объяснить происхождение нашего мира – или, может быть, вы уже догадались сами?»

«Могу предположить, что эта планета была колонизирована, а затем забыта – потеряна», – сказал Ральф Велстед.

Клэй печально улыбнулся: «Колонизация Приюта носила трагический характер. Двести семьдесят один год тому назад пассажирский звездолет „Этрурия“ потерял управление на пути к Ригелю. По свидетельствам того времени, в соединительной коробке привода произошло замыкание и сплвились электрические шины. Попытка вскрыть коробку, чтобы заменить шины, привела бы к коллапсу гиперпространственного поля. А в отсутствие ремонта корабль продолжал бы лететь, пока не истощились бы источники энергии».

«В те времена это нередко случалось, – заметил Велстед. – Как правило, инженер отключал двигатели с одной стороны, после чего корабль летал по кругу, пока не подспевала помощь».

Клэй скорбно поморщился: «На борту „Этрурии“ никто не догадался это сделать. Звездолет покинул известную область Галактики и, наконец, приблизился к солнечной системе, планета которой, судя по всему, могла быть пригодной для жизни. Шестьдесят три человека сели в спасательные шлюпки и приземлились на Приюте. Тридцать четыре человека мужского пола, двадцать пять женщин и четверо детей – группа самого разнообразного расового и возрастного состава, от восьмилетней Дороти Пелл до Владимира Хоча, семидесяти четырех лет от роду. Мы все – триста миллионов человек – потомки этих шестидесяти трех».

«Вы быстро размножились!» – с восхищением заметила Бетти.

«Большие семьи, – отозвался Клэй. – У меня девять детей и шестнадцать внуков. С самого начала мы стремились сохранить земную культуру в неприкосновенности для потомков, научить их тому, что мы знали о человеческих традициях. Для того, чтобы тогда, когда наконец придут спасатели – а когда-нибудь это должно было случиться – наши дети или дети наших детей могли бы вернуться на Землю не варварами, а достойными гражданами. И бесценным источником информации для нас послужили Десять Книг – единственные книги, которые мы взяли с собой, когда покидали „Этрурию“. И нам повезло – трудно было бы найти более вдохновляющий источник сведений...»

Клэй перевел взгляд на пюпитр с десятью книгами в черных переплетах, стоявший в конце зала, и слегка понизил голос: «Это „Энциклопедия достижений человечества“. Сборник из библиотеки звездолета состоял из десяти небольших томиков – не больше ладони каждый – с тонкими страницами из пластрала. Но они содержали такие сокровища человеческой славы, что мы никогда не смогли бы забыть о предках или прекратить попытки подняться на уровень величайших мастеров. Все лучшие плоды человеческой деятельности мы рассмат-

риваем как стандарты – в музыке, в изобразительном искусстве, в литературе – „Энциклопедия“ содержит описания всех этих шедевров».

«Описания...» – задумчиво произнес Ральф Велстед.

«Иллюстраций не было?» – спросила Бетти.

«Нет, – ответил Клэй. – В первоначальном издании был небольшой указатель иллюстраций. Тем не менее, – он подошел к пюпитру и взял наугад один из томов, – описания не оставляют практически никакой свободы для воображения. Вот, например, что говорится в статье, посвященной музыке Баха: «Когда появился Бах, токката была экспериментальной, еще не определившейся музыкальной формой – своего рода развлекательным упражнением, *tour de force*, позволявшим исполнителю демонстрировать виртуозность. В руках Баха токката становится благороднейшим, универсальным выразительным средством. Тема звучит как импровизированный наигрыш, только что пришедший в голову. Но затем вступает гармоническое сопровождение – исходная тема начинает сверкать, как призматический калейдоскоп, приобретает устойчивую структуру и постепенно вырастает в чудесную звуковую пирамиду».

В здесь – о Бетховене: «Поистине бог музыки! Его звуки – голос мира, пышная процессия всех великолепных эффектов, доступных воображению. Бетховен производит впечатление, подобное воздействию стихийных сил – солнечных закатов, морских бурь, видов, открывающихся с горных вершин».

А вот отрывок о Леоне Бисмарке Байдербеке: «Из раструба его инструмента льется такой бушующий поток экстаза, торжества и невыразимой радости, что сердце человека сжимается от того, что он не может всецело слиться с этим потоком». Клэй закрыл книгу и поставил ее обратно на пюпитр: «Таково наше наследие. Мы постарались – в силу наших скромных способностей – воплотить в жизнь эти основы первоначальной земной культуры».

«Должен сказать, вы в этом преуспели», – сухо вато заметил Ральф Велстед.

Бетти медленно и глубоко вздохнула.

Клэй покачал головой: «Вы не можете об этом судить, пока не познакомитесь с Приютом поближе. Мы сумели более или менее обустроить цивилизованную жизнь, хотя условия нашего существования должны показаться не слишком впечатляющими по сравнению с великими городами и роскошными дворцами Земли».

«Нет-нет, это совсем не так!» – возразила Бетти, но Клэй остановил ее вежливым жестом: «Не считайте себя обязанными нам льстить. Как я уже упомянул, мы сознаём свои недостатки. Наша музыка, например – приятная, порой волнующая, иногда даже глубокая – никогда не достигает вершин проникновения, о которых говорит «Энциклопедия».

Наши изобразительные искусства достигли довольно высокого уровня в техническом отношении, но мы тщетно пытались бы имитировать Сёра, «светящегося светлее света», или Брака, «закономерности ума которого превращаются в закономерности сочетаний цветов, отображающие закономерности жизни», или Сезанна, «плоскости которого, скрывающиеся под личиной естественных объектов, маршируют, сливаются и сталкиваются в соответствии с безжалостной логикой, завихряющейся смерчем, принуждающей мозг признать абсолютную безукоризненность композиции»».

Бетти тревожно взглянула на мужа, опасаясь того, что Ральф выскажет то, что – как она прекрасно знала – было у него на уме. К ее облегчению, он хранил молчание и только смотрел, задумчиво прищурившись, на Клэя. Со своей стороны, Бетти решила впредь высказывать лишь самые уклончивые, ни к чему не обязывающие замечания.

«О нет! – огорченно сказал Клэй. – Мы делаем все, что можем, и в некоторых направлениях, разумеется, достигли большего, чем в других. Изначально мы пользовались преимуществом памяти обо всем опыте, накопленном человечеством. Прокладывали пути, понимая, каких ошибок следовало избегать. У нас никогда не было никаких войн, никакого принужде-

ния. Мы никогда никому не позволяли приобрести неограниченную власть. Но старались вознаграждать тех, кто добровольно брал на себя ответственность.

Наши преступники – а их теперь очень мало – после первого и второго нарушений проходят курс психиатрического лечения; после третьего нарушения их стерилизуют, а после четвертого – казнят. Наши конституционные законы предусматривают сотрудничество и внесение вклада в общественное благосостояние, хотя диапазон вариантов такого вклада практически неограничен. Мы не приносим себя в жертву обществу, как какой-то священной колеснице. Человек может быть настолько общительным или настолько замкнутым, насколько это его устраивает – постольку, поскольку он не нарушает основной закон».

Клэй помолчал, переводя взгляд с Ральфа на Бетти и обратно: «Теперь вы примерно понимаете, как мы живем?»

«Более или менее, – ответил Ральф Велстед. – По крайней мере, в общих чертах. Возникает впечатление, что в области технологии вы тоже добились значительного прогресса».

Клэй задумался: «В каком-то смысле, да. С другой стороны – нет. У нас были инструменты и оборудование из спасательных шлюпок, у многих были технические навыки, и, что важнее всего, мы знали, что мы хотели сделать. Основная цель, разумеется, заключалась в том, чтобы снова покорить космос. Мы смогли изготовить реактивные двигатели, но они не позволяли вылететь за пределы нашей солнечной системы. Наши ученые приближаются к раскрытию секрета гиперпространственного двигателя, но их задерживают кое-какие практические трудности».

Ральф Велстед рассмеялся: «Изобрести гиперпространственный двигатель рациональным путем невозможно. Это философский вопрос, о котором безрезультатно спорят уже сотни лет. Разум – абстрактная идея – есть функция обычного пространства-времени. Гиперпространственный двигатель не отличается свойствами, общими с такими идеями, в связи с чем человеческий ум в принципе не может решить проблему гиперпространственного перемещения. Только эксперимент, метод проб и ошибок, позволяет решить эту задачу. Думать о ней бесполезно».

«Гм! – поднял брови Клэй. – Ваша концепция отличается новизной. Но ваше присутствие на Приюте делает решение проблемы излишним, так как вы можете связать нас с колыбелью человечества».

Бетти чувствовала, что слова готовы были сорваться с языка ее мужа. Она сжала кулаки и приложила все возможные усилия в надежде передать мысли Ральфу молча, телепатически. Может быть, ее усилия не пропали даром – потому что Ральф Велстед всего лишь сказал: «Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы вам помочь».

Они осмотрели Митилену и посетили близлежащие города – Тиринф, Илиум и Дикти. Они познакомились с промышленными комплексами, с генераторами атомной энергии, фермами и школами. Они присутствовали на заседании Совета Путеводителей – где и Ральф, и Бетти выступили с краткими речами – и обратились к населению Приюта по телевидению. Их слова размножили и распространили все агентства новостей на планете.

Они слушали музыку на склоне зеленого холма – оркестр играл в тени гигантских дымчато-черных деревьев. Они любовались живописью и скульптурами мастеров Приюта в музейных галереях, в частных домах, а также на площадях и в общественных учреждениях. Они прочли несколько местных литературных произведений и познакомились с научными достижениями Приюта, примерно эквивалентными земным. И все это время они поражались тому, как много успело сделать такое небольшое число людей всего лишь за два с половиной века.

Они заходили в лаборатории, где триста инженеров и ученых пытались найти сочетание магнитных, гравитационных и вихревых полей, позволявшее совершать межзвездные полеты.

Ученые напряженно, затаив дыхание, наблюдали за тем, как Ральф Велстед осматривал их аппаратуру.

С первого взгляда он понял, в чем заключалась суть их проблемы. В свое время он читал о таких же экспериментах, проводившихся на Земле триста лет тому назад, и о фантастической случайности, благодаря которой Роман-Фортески и Глэдхайм сумели заключить генерирующую матрицу в кварцевый додекаэдр. Только такая же невероятная случайность – или информация, предоставленная Ральфом Велстедом – позволила бы ученым Приюта разгадать секрет гиперпространственного двигателя.

И Ральф молча, задумчиво вышел из лаборатории, провожаемый разочарованными взглядами технологов. Бетти тоже смотрела ему вслед – с удивлением – и на протяжении оставшейся части дня между ними сохранялось некоторое напряжение.

Поздно вечером, в тот же день, они лежали в темноте – тревожно, не смыкая глаз, чувствуя давление мыслей, обуревавших их обоих. Наконец Бетти нарушила молчание – настойчивым тоном, не оставлявшим сомнений в ее чувствах: «Ральф!»

«Да?»

«Почему ты ничего не сказал в лаборатории?»

«Осторожно! – пробормотал Ральф. – Нас могут подслушивать».

Бетти презрительно рассмеялась: «Мы не на Земле. Здесь нам доверяют, они – порядочные люди...»

Настал черед Ральфа рассмеяться – точнее, невесело усмехнуться: «Именно поэтому я ничего не говорю, когда дело доходит до гиперпространственного двигателя».

Бетти замерла: «Что ты имеешь в виду?»

«Я имею в виду, что эти люди настолько хороши, что... будь я проклят, если я их испорчу!»

Бетти расслабилась, вздохнула и медленно спросила – понимая, что поднимает исключительно трудный и спорный вопрос: «Почему ты считаешь, что это их испортит?»

Ральф Велстед фыркнул: «Это предельно ясно. Ты была у них в домах, читала их поэтов, слушала их музыку...»

«Конечно. Эти люди проводят каждую секунду своей жизни в... ну, скажем так, в состоянии экзальтации. В неслыханном и невиданном доселе состоянии преданности созиданию!»

Ральф мрачно отозвался: «Они живут в состоянии величайшего заблуждения, когда либо наблюдавшегося в человеческой истории, и приближаются к чудовищному разочарованию, к катастрофе. Как человек, напившийся до одурения и собирающийся взлететь с края крыши».

Бетти посмотрела на мужа в темноте: «Ты с ума сошел?»

«Сегодня они живут в состоянии экзальтации, как ты сама сказала – но что будет, когда этот радужный пузырь лопнет?»

«Почему бы он лопнул? – не сдавалась Бетти. – Почему они не могли бы...»

«Бетти! – холодно и язвительно прервал ее Ральф Велстед. – Ты когда-нибудь видела общественный парк на Земле после праздника?»

Бетти горячилась: «Да, это ужасно. Потому что на Земле у людей нет чувства солидарности!»

«Вот именно! – сказал Ральф. – А на Приюте есть такое чувство. Их тесно связывает стремление сделать за два столетия то, что на Земле заняло семь тысяч лет. Если можно так выразиться, все они обращены лицом в одну сторону, идут к одной цели, движимые одним и тем же побуждением. Но когда это побуждение исчезнет, неужели ты думаешь, что они будут по-прежнему придерживаться возвышенных идеалов?»

Бетти промолчала.

«Человеческие существа, – продолжал рассуждать Ральф Велстед, – добиваются наибольшего, когда они в трудном положении. В таком положении, когда не сделать все возможное означало бы потерпеть полный провал. На Приюте люди оказались в трудном положении – и выжили, победили. Дай им возможность бездельничать, жить на деньги туристов – что тогда?»

Но это еще не все. В сущности, это только половина дела. Здешние люди, – Ральф выразительно подчеркнул следующие слова, – живут во сне. Они – жертвы Десяти Книг. Они понимают буквально каждое слово «Энциклопедии» и из кожи лезут вон, чтобы приблизиться к тому, что рассматривают в качестве стандартов земной цивилизации.

Их собственные изобретения и произведения, с их точки зрения, далеко не соответствуют тому, что авторы «Энциклопедии» называют «достижениями человечества». Надо полагать, болван, составлявший эту «Энциклопедию», работал в рекламном агентстве, – Ральф Велстед рассмеялся. – Шекспир сочинял неплохие пьесы, не спорю. Но никто никогда не видел, как «пламя возгорается из искр, высеченных его словами, как его страницы переворачиваются сами собой, словно под порывами ветра».

Вполне возможно, что Сибелиус – великий композитор; не мне об этом судить, я плохо разбираюсь в музыке. Но кто из его слушателей поистине «становился частью финского льда, пахнувшей мхом влажной почвы, хрипло дышащего леса» – как заверяет нас автор Десяти Книг?»

«Он просто-напросто старался со всей возможной живостью отобразить сущность произведений художников и музыкантов», – Бетти вступилась за автора энциклопедических дифирамбов.

«В этом, конечно, нет состава преступления, – согласился Ральф. – На Земле мы привыкли считать ложью любой печатный текст. По меньшей мере, мы не принимаем за чистую монету все, что написано, и автоматически делаем скидку процентов на пятьсот. Обитателям Приюта не сделали такую прививку от лжи. Они верят каждому слову своих Десяти Книг. Это их священный текст, их Библия. Они пытаются сравняться во всеми когда-либо существовавшими достижениями».

Бетти приподнялась на локте и тихо, торжествуя заявила: «И преуспели в этом! Ральф, они добились своего! Они приняли вызов, сравнялись со всем, что когда-либо было сделано на Земле, и даже преодолели этот рубеж! Ральф, я горжусь тем, что принадлежу к человеческой расе».

«К тому же виду животных, – сухо поправил ее Ральф Велстед. – Местные жители – потомки представителей всевозможных рас, метисы».

«Какая разница? – резко спросила Бетти. – Ты уже придираешься к словам. Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду».

«Мы отвлеклись, – устало заметил Ральф. – Важнейший вопрос не относится к обитателям Приюта или к их достижениям. Конечно, их достижения чудесны – сегодня! Но что с ними будет, когда они подвергнутся влиянию Земли, как ты думаешь?»

Ты думаешь, их производительность не снизится, когда недостижимая цель исчезнет? Когда они найдут Землю такой, какова она есть – воровской притон, бедлам бесконечного нытья и раздоров, набитый до отказа напыщенными посредственностями и дешевым надувательством? На Земле художники больше не рисуют ничего, кроме голых баб – если вообще умеют рисовать, а музыканты занимаются только тем, что производят звуки, звуки, звуки – любые звуки, какие только прикажут производить телевизионные продюсеры? Что будет с благородными мечтами обитателей Приюта?

Какое разочарование их ожидает, какое отвращение! Помяни мое слово, половина местного населения покончит с собой, а другая займется проституцией и начнет обчитывать туристов. Им не под силу с этим справиться. Лучше оставить их такими, какие они есть, со всеми

их несбыточными мечтами. Пусть думают, что мы с тобой – последние мерзавцы. Нам пора удрать с этой планеты и вернуться к себе подобным».

«Рано или поздно их кто-нибудь все равно найдет», – упавшим голосом сказала Бетти.

«Может быть. А может быть и нет. Мы сообщим, что в этой области космоса никого и ничего нет. Что, по сути дела, чистая правда – если не считать Приюта».

Бетти откликнулась жалобным голоском: «Ральф, я не смогу. Я не смогу нарушить их доверие».

«Даже для того, чтобы они оставались доверчивыми?»

Бетти взорвалась: «Неужели ты не понимаешь, что наше позорное бегство приведет к такому же разочарованию? Наше прибытие – кульминация их почти трехвековой истории. Подумай о том, как у них опустятся руки, если мы улетим!»

«Они работают над созданием гиперпространственного двигателя, – упорствовал Ральф. – Вероятность того, что это у них получится, ничтожно мала. Но они этого не знают. Им удалось генерировать поле, и они думают, что достаточно будет правильно отрегулировать подачу энергии и обеспечить более эффективную изоляцию. Они понятия не имеют, что первый гиперпространственный скачок возник, когда стал плавиться свинцовый резервуар, и Глэдхайм, чтобы проверить его, взял настольную лампу в виде чугунного уличного фонаря».

«Ральф! – пожалала плечами Бетти. – Ты очень логично рассуждаешь. Твои аргументы вполне последовательны – но совершенно неудовлетворительны в эмоциональном отношении. Они не кажутся мне справедливыми».

«Пф! – фыркнул Ральф. – Давай не будем заниматься мистикой».

«И в то же время, – тихо прибавила Бетти, – давай не будем изображать из себя господ бога».

Наступило длительное молчание.

«Ральф?» – позвала Бетти.

«Что?»

«Разве нет какого-нибудь способа, ну какого-нибудь...»

«Какого-нибудь способа – сделать что?»

«Почему мы обязаны нести ответственность за такое решение?»

«А кто еще может принять это решение? Мы стали своего рода инструментами судьбы».

«Но это их жизнь, а не наша».

«Бетти! – Ральф Велстед устал спорить. – В данном случае мы никак не можем сложить с себя ответственность. Только от нас зависит, в конечном счете, пустить их на Землю или нет. Только мы можем видеть обе стороны ситуации. Это ужасное решение – но я говорю „нет“».

Они больше не спорили – и, по прошествии какого-то времени, заснули.

Поздно вечером, через три дня, когда Бетти собралась раздеваться перед сном, Ральф остановил ее. Она взглянула на него широко раскрытыми глазами, ее зрачки испуганно почернели.

«Положи в сумку все, что хочешь взять с собой. Мы улетаем».

Бетти замерла, напряглась, но постепенно расслабилась и сделала шаг к мужу: «Ральф...»

«Да?»

Она не могла найти в его топазовых глазах никакой мягкости, никакой неуверенности: «Ральф, это опасно. Если они нас поймают, нас казнят – за чудовищное предательство». Отвернувшись, она пробормотала: «И они будут по-своему правы».

«Придется рискнуть. Помнится, я сказал то же самое, когда мы решили приземлиться. Все мы когда-нибудь умрем. Возьми свои вещи, и пойдем отсюда!»

«Нужно хотя бы оставить записку – что-нибудь...»

Ральф указал на конверт: «Вот записка. Я поблагодарил их за гостеприимство. Написал, что мы – преступники, из-за чего не можем вернуться на Землю и не хотим никому объяснять, как это можно было бы сделать. Лучше я ничего не смог придумать».

В голосе Бетти снова послышалось раздражение: «Будь спокоен, они тебе поверят».

Она угрюмо засунула в сумку несколько небольших сувениров: «До звездолета далеко». «Мы поедем на машине Клэя. Я наблюдал за ним и знаю, как управлять экипажем».

Бетти содрогнулась от сдавленного язвительного смеха: «Мы еще и машину у него уведем!»

«Ничего не поделаешь», – с каменным лицом отозвался Ральф. Он подошел к двери, прислушался. Ничто не нарушало тишину в мирно спящем доме. Он вернулся туда, где его ждала Бетти, холодно, неодобрительно наблюдавшая за его маневрами.

«Сюда! – прошептал Ральф Велстед. – Наружу, через террасу».

Они вышли под безлунное ночное небо Приюта – в естественном русле на террасе едва слышно журчал ручей.

Ральф взял жену за руку: «Теперь осторожно, не заходи в заросли бамбука». Она сжал ее руку, и они замерли на месте. Из окна послышался тревожный вздох – сменившийся облегченным бормотанием человека, на секунду разбуженного дурным сном.

Медленно, как плавающее на огне стекло, они опять стали двигаться, прокрались поперек террасы и вышли на газон перед домом. Обогнув огород, они увидели силуэт электромагнитного экипажа.

«Залезай! – прошептал Ральф. – Я буду подталкивать машину, пока мы не скроемся за поворотом».

Поднимаясь на сиденье, Бетти со скрипом задела подошвой за металл. Ральф застыл и прислушался, вглядываясь в темноту, как филин. В доме царил тишина – тишина успокоения и доверия... Ральф подтолкнул экипаж – тот легко заскользил над травой, почти не оказывая сопротивления после преодоления первоначальной инерции.

Машина внезапно остановилась. И Ральф снова застыл на месте: сигнализация? Нет, на Приюте не было воров – за исключением двух незваных гостей с Земли. Ловушка?

«Якорь!» – прошептала Бетти.

Конечно! Ральф Велстед едва не застонал от облегчения. Каждая машина здесь стояла на якоре, чтобы ее не унесло ветром. Он нашел якорь, вставил его в углубление на корпусе машины, и теперь экипаж беспрепятственно поплыл по воздуху вдоль ведущего к дому Клэя туннеля, образованного древесными кронами. За поворотом Ральф подбежал к дверце экипажа, запрыгнул в него и нажал на педаль акселератора – машина поехала с легкой грацией каноэ, дрейфующего по течению. Оказавшись над шоссе, Ральф включил передние фары, и они понеслись в ночь.

«А на Земле мы все еще ездим на колесах, – процедил сквозь зубы Ральф. – Если бы только у нас была хотя бы толика местного прилежания и местной добросовестности...»

Мимо мчались встречные машины. Лица Ральфа и Бетти мгновенно озарялись фарами – они пригнулись к ветровому стеклу.

Экипаж подъехал к парку, где остался их звездолет. «Если кто-нибудь нас остановит и спросит, – прошептал Ральф на ухо жене, – мы просто приехали взять кое-какие личные вещи. В конце концов, мы не в тюрьме».

Но он все равно осторожно объехал корабль по кругу перед тем, как подойти к нему ближе, после чего подождал несколько секунд, напряженно вглядываясь в темноту. Вокруг не было ни звука, ни проблеска света, ни какого-либо признака охраны или наблюдения.

Ральф Велстед выскочил из машины: «Скорее! Подбеги к лестнице и поднимись внутрь. Я за тобой».

Они бросились к звездолету во мраке, взобрались по ступенькам, приваренным к корпусу – Ральф едва ощущал холодную сталь разгоряченными пальцами. Оказавшись в кабине, он захлопнул люк, закрепил его зажимами, бросился к пульта управления и включил реакторы. Опасное дело! Но прогреть двигатели надлежащим образом можно было после выхода из атмосферы. Звездолет поднялся – редкие огни Митилены покачнулись вниз и пропали во мраке. Ральф Велстед вздохнул – он внезапно почувствовал себя разбитым, но в то же время ему стало тепло, он расслабился.

Выше, выше! Планета превратилась в сферу – из-за ее ночного полушария выглянуло светило – 2932 Эридана; внезапно, без ощущения пересечения какой-либо границы, они оказались в открытом космосе.

Ральф Велстед вздохнул: «Боже мой, какое облегчение! Никогда не думал, что пустое пространство покажется мне таким прекрасным».

«Мне оно тоже кажется прекрасным, – сказал Александр Клэй. – Я его никогда раньше не видел».

Ральф вихрем развернулся и вскочил на ноги.

Клэй вышел из двигательного отсека; у него на лице было странное выражение – Велстед истолковал его, как проявление холодной, убийственной ярости. Бетти стояла спиной к перегородке, переводя взгляд с одного на другого; ее лицо вообще ничего не выражало.

Ральф Велстед медленно отступил от пульта управления: «Что ж! Вы нас поймали с поличным. Надо полагать, вы думаете, что мы очень нехорошо с вами обошлись. Может быть, это действительно так. Но моя совесть чиста. И мы не вернемся. Похоже на то, что вы захотели проехаться – и это вам удалось. Хотя, по мере необходимости...» Ральф многозначительно замолчал, после чего спросил: «Как вы оказались в звездолете?» Прищурившись, Ральф задал еще два вопроса: «Зачем? И почему именно сегодня?»

Клэй медленно покачал головой: «Ральф, вы почему-то принимаете нас за дураков, да и за трусов в придачу».

«Что вы имеете в виду?»

«Я имею в виду, что мне понятны ваши побуждения – и я восхищаюсь ими. Хотя, на мой взгляд, с вашей стороны было опрометчиво действовать прежде, чем посоветоваться с теми, кого ваши действия касаются самым непосредственным образом».

Ральф Велстед набычился, неподвижно глядя на Клэя: «Я несу всю ответственность за свои действия. Мне это не нравится, но я не боюсь».

«И это делает вам честь, – мягко сказал Клэй. – На Приюте мы, как правило, совместно несем ответственность, распределяем ее. Не уменьшая тем самым ее бремя, как вы понимаете, но поручая десятку – или сотне, или тысяче – умов решение проблемы, которая может оказаться слишком сложной для одного человека. Вы нас не цените, Ральф. Вы думаете, что мы малодушны, лишены инициативы».

«Нет, – возразил Ральф. – Не совсем так...»

«Наша цивилизация возникла, прежде всего, на основе способности к приспособлению, к динамичному развитию, – продолжал Клэй. – Мы...»

«Вы не представляете себе, к чему вам придется приспособливаться, – резко прервал его Ральф Велстед. – Ни к чему хорошему. Вас ожидают всевозможные злоупотребления, проделки мошенников и миллионы туристов, которые превратят вашу планету в то, во что отряд мародерствующих солдат-оккупантов превращает первую встречную хорошенькую девушку».

«Проблемы будут», – согласился Клэй. Теперь его голос становился звучным: «Но мы этого хотим, Ральф. Мы хотим проблем. Мы изголодались по проблемам обычного человеческого существования. Мы хотим снова слиться с потоком жизни. И даже если это означает, что нам придется проливать пот и слезы, мы этого хотим. Так же как вы, мы сделаны из плоти и крови. Мы не желаем впасть в нирвану – мы хотим испытать наши способности. Мы хотим

бороться, плечом к плечу с лучшими людьми, за лучшее человечество. Разве вы не боретесь с тем, что не считаете справедливым?»

Ральф Велстед угрюмо покачал головой: «Я больше не лезу в драку. Противник слишком силен. Я пытался – в молодости – но сдался. Может быть, именно поэтому мы с Бетти блуждаем в дальнем космосе, на краю неизвестности».

«Нет! – смешалась Бетти. – Это еще не все, Ральф, и ты это знаешь. Мы занимаемся изысканиями потому, что тебе это нравится. И тебе нравится иметь дело с людьми так же, как всем остальным – даже если они играют не по правилам и всё ставят с ног на голову».

«Играют не по правилам и всё ставят с ног на голову, – Клэй повторил эти слова с таким выражением, как будто пробовал редкий деликатес. – Именно то, чего нам не хватает на Приюте. В старые добрые времена у нас было достаточно суматохи и беспорядка. Предки бросались с головой в омут, чтобы подчинить себе новый незнакомый мир. Мы его подчинили. Еще сто лет отсутствия настоящих проблем, и мы погрузимся в наркотические бредни, поддадимся апатии, выродимся».

Ральф Велстед молчал.

«Нельзя забывать, Ральф, – говорил Клэй, – что мы неотделимы от человечества. Если дела идут хорошо – прекрасно. Но если существуют проблемы, мы хотим способствовать их решению. Вы сказали, что для вас противник оказался слишком силен. Но думаете ли вы, что у противника хватит сил бороться с целой планетой? С тремьястами миллионами отточенных, добросовестных умов?»

Ральф пристально смотрел на собеседника, его воображение оживилось: «Не вижу, каким образом...»

Клэй улыбнулся: «Я тоже не вижу. Пусть эту задачу решают триста миллионов человек. В такой перспективе она не представляется слишком сложной. Трестам умам потребовалось три дня, чтобы понять, каким образом кварцевый додекаэдр...»

Ральф вздрогнул и с укором взглянул на жену: «Бетти!»

Она покачала головой: «Я сообщила Клэю о нашем разговоре, о нашем споре. Мы долго обсуждали этот вопрос. Я рассказала ему всё – и обещала подать сигнал, когда мы попробуем сбежать. Но я ни словом не упомянула гиперпространственный двигатель. Если они его сделали, это их собственное открытие».

Ральф Велстед медленно повернулся к Клэю: «Вы открыли его? Открыли? Но это невозможно!»

«Ничего невозможного, – возразил Клэй. – Вы сами намекнули на сущность головоломки, когда сказали, что человеческий разум в этом случае бесполезен, так как гиперпространственный двигатель работает в условиях, несовместимых с человеческими представлениями. Так что мы сосредоточили внимание не на двигателе как таковом, а на условиях его функционирования. Первые результаты были получены, когда мы рассмотрели возможность одновременного перемещения в двенадцати направлениях – отсюда и эксперимент с додекаэдром. Интуитивная догадка, если хотите – но эксперимент удался».

Ральф вздохнул: «Вы победили. Я сдаюсь. Клэй, теперь вся головная боль – ваша. Вы сами того хотели. Что вы намерены делать? Вернуться на Приют?»

Клэй улыбнулся с выражением, напоминавшим нежность: «Мы уже в космосе, так или иначе. Я хотел бы взглянуть на Землю. Провести там месяц, инкогнито. А потом мы вернемся на Приют, и я отчитаюсь перед моим миром. После чего все мы – триста миллионов – подождем звонка, чтобы выйти на ринг и начать первый раунд».

БОГ И ХРАМОВЫЙ ВОР

Будучи занят по горло неотложным делом спасения своей шкуры, Брайер Келли не успел избавиться от маскировочного костюма. Авантюра оказалась гораздо опаснее, чем он предполагал. Ни в коем случае он не рассчитывал попасть в такую адскую переделку.

До того момента, когда он вступил в причудливый темный храм Северного Города, маскировка служила ему хорошо. Он ничем не отличался от жрецов Ханя – никто даже не взглянул на него дважды. В храме он остался один, и в маскараде не было необходимости.

Внутренность храма производила странное, но глубокое впечатление. Потолок поддерживался готической вязью стропильных ферм, альковы вдоль стен были завалены старинной рухлядью. Черные драпировки приглушали и поглощали свет красных и зеленых фонарей.

Медленно проходя вдоль центрального нефы, Келли ощущал нервное покалывание по всему телу – он приближался к высокому черному зеркалу в дальнем конце, глядя, как замороженный, на свое отражение, принимавшее угрожающие размеры. Келли пригляделся бы внимательнее к полупрозрачным глубинам за зеркалом, если бы не заметил самоцвет: горевший холодным зеленым пламенем шар, лежавший на черной бархатной подушке.

Пораженный красотой камня, Келли поднял его и повертел в пальцах – и тут же началась суматоха. Красные и зеленые огни мигали, сигнальная сирена ревела, как бешеный бык. В альковах, как по волшебству, появились мстительные жрецы, и маскировочный костюм стал существенной помехой. Пока он бежал – обратно вдоль нефы, вниз по шатким ступеням, по вонючим задворкам к своему аэромобиле – трубчатая черная риза стесняла движения ног. Теперь, когда он сгорбился над панелью управления, капли пота выступили под белым гримом, кожа изнывала от чесотки.

В трех метрах под машиной убежали за корму покрытые коркой соли илистые отмели. Грязно-желтые тростники хлестали по корпусу. Прижимая локоть к бедру, Келли нащупал твердую округлость драгоценности. Удача вызывала у него смешанные эмоции – главным образом мрачные предчувствия. Он опустил аэромобиль ближе к солончаку. «Еще пять минут, и я буду за пределами радиуса действия радара, – думал Келли. – А вернувшись в Сорвиголовку, снова стану одним из пятидесяти тысяч. Там меня трудно будет найти, если не проболтаются Эрли или Мэйпс...»

Он рискнул взглянуть на экран заднего вида. Северный Город все еще вздымался из мрачных прибрежных низин, как гипертрофированный остров Мон-Сен-Мишель. Туманные испарения замутили его – конический силуэт постепенно сливался с небом и в конце концов исчез за горизонтом. Келли слегка приподнял нос машины, постепенно поднимаясь к жаркому белому солнцу, Магра-Таратемпосу.

Атмосфера становилась разреженной, небо чернело, появились звезды. Келли сразу узнал старое земное Солнце – желтоватую звезду между Сад-аль-Суудом и Сад-аль-Меликом в созвездии Водолея – всего лишь тридцать световых лет до родной планеты...

Послышался тихий шипящий звук. Свет изменился – он больше не был белым, он стал красным. Келли моргнул и в замешательстве посмотрел по сторонам.

Магра-Таратемпос исчез. Внизу слева, над горизонтом, громоздилось гигантское красное светило. Под ним, в новом винно-красном зареве, простирались болотистые солончаки.

Ошеломленный, Келли переводил взгляд с солнца на планету и снова в небо, где только что сиял Магра-Таратемпос.

«Я сошел с ума! – сказал Келли. – Если только...» Два или три месяца тому назад в Сорвиголовке ходили странные слухи. Не зная, чем еще развлечься, местные острословы превратили всю эту историю в шутку, она постепенно наскучила, и о ней забыли.

Келли, работавшему компьютерным оператором на астронавигационной станции, это происшествие было известно во всех подробностях. Она заключались в следующем. Пьяный сборщик пыльцы подставил ногу строгому и суровому жрецу Ханя, затянутому в черную трубчатую ризу, и тот плюхнулся в болото. Жрец высунул белое лицо из-под капюшона рясы, как черепаха – голову из-под панциря, и прохрипел на севергородском жаргоне: «Ты оскорбил жреца Ханя! Насмехаешься над нами и над именем Великого Бога! Грядет возмездие! Наступил Седьмой Год – безбожники-земляне, вы попытаетесь сбежать, но вам некуда будет бежать!»

Слухи о проклятии жреца переходили из уст в уста. Келии помнил, с каким радостным возбуждением рассказывали об этом случае. Он поморщился и снова рассмотрел небо – его снова охватило предчувствие беды.

Факты оставались фактами, их невозможно было отрицать. Магра-Таратемпос исчез. В другой части неба появилась незнакомая звезда.

Келли забыл о радарх слежения, направил аэромобиль вверх и вылетел на орбиту. Расположение звезд изменилось. Половина неба покрылась мраком – в нем изредка мерцали одинокие звезды и виднелись смутные облачка далеких галактик. С другой стороны вдоль четверти неба протянулось огромное пятно – узкая длинная светящаяся полоса с утолщением посередине, вся усеянная миллионами мельчайших ярких точек.

Келли выключил двигатель; аэромобиль дрейфовал в пространстве. Несомненно, светящееся пятно было галактикой – так она выглядела с внешнего края. Ощущая все большее замешательство, Келли снова взглянул на планету. На юге можно было заметить треугольное плоскогорье, выступавшее из солончаковой равнины, а далеко на севере – неровный ступенчатый конус, город Ханя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.